

Наталья АНДРЕЕВА

ДЕТЕКТИВ ? ЗАГАДКА



Нагадали
мне суженого

Наталья Андреева
Нагадали мне суженого

«Автор»

2013

Андреева Н. В.

Нагадали мне суженого / Н. В. Андреева — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-62628-1

Анфисе Лебедёвой кажется, что она ясновидящая. Дар открылся у девушки после нервного потрясения, когда она попала в больницу с подозрением на онкологию. Все, слава богу, обошлось, но с тех пор Анфиса уверена: она способна видеть будущее. Маленький провинциальный городок, где она теперь живет, то и дело потрясает очередное ее пророчество. Так, придя однажды в краеведческий музей, Анфиса видит там странный натюрморт, на котором изображены ваза, гиря и три ржавых ключа. На следующий день девушка идет в полицию и заявляет: в городе готовится убийство. Ей никто не верит, но вскоре и в самом деле находят труп автора картины, московского художника, а сам натюрморт исчезает. Анфиса утверждает, будто картина стоит огромных денег, и это доходит до местного олигарха Нила Аксенкина, любителя редкостей и мецената.

ISBN 978-5-699-62628-1

© Андреева Н. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Вместо предисловия	6
А теперь место собственно предисловию	7
Кассандра	12
Натюрморт с белой глиняной вазой	15
Расследование ведет...	19
Ограбление века	23
Первый подозреваемый	29
Версии	34
О любви	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Андреева Нагадали мне суженого



Герои романов Натальи Андреевой словно сговорились запутать и поразить читателя. До самой последней страницы вам предстоит плутать в лабиринте догадок, получая изысканное удовольствие от лихо закрученной детективной интриги и напряженных ситуаций, следующих одна за другой. Ведь существует не так много загадок, сам процесс разгадывания которых доставляет наслаждение. И одна из них – детектив от Натальи Андреевой.

Суммарный тираж книг автора превысил 4 миллиона экземпляров.

Вместо предисловия

Вопрос, который чаще всего задают любому писателю, звучит так:

– Откуда вы берете сюжеты?

Мне не хотелось бы отделываться общими фразами, а рассказать историю рождения этой книги. Чтобы было понятно, откуда я беру сюжеты.

Огромное спасибо Екатерине из Одессы, которая оставляла на моем сайте замечательные отзывы, пока мы не стали друзьями и не перешли на другой уровень общения. Она пыталась подсказать мне сюжет для нового детектива, но моя писательская фантазия все никак не реагировала. Хотя я всегда благодарна людям за интересные рассказы, что называется, из жизни. Писателю прежде всего надо уметь слушать. Но абсолютно невозможно предугадать, что именно послужит толчком для вдохновения, это, видимо, и есть главный секрет творчества.

Мы живо переписывались, и однажды Катя (позвольте мне называть вас так) прислала мне фотографию за подписью: «Это я сегодня купила на блошином рынке». Я взглянула на нее, и тут меня, что называется, пробило. Я сразу же написала:

«Катя, вы мне только что прислали детектив! Разрешите, я воспользуюсь этой фотографией? Она потрясающая!»

И мне это подарили. Как же я обрадовалась! Ведь что такое детектив? Головоломка, которую один придумывает, другой разгадывает. Я смотрела на предметы, запечатленные на фото, и видела детективный роман. Белая с синими полосками глиняная ваза, гиря и связка ржавых ключей. Еще там был пузырек из темного стекла, предмет, похожий на мастерок, и позеленевший от времени, со следами ржавчины трезубец непонятного мне предназначения. Сверху лежала насквозь проржавевшая цепь с крупными звеньями. Сами по себе все эти предметы вряд ли вызвали бы мой интерес, это просто старые вещи. Но собранные воедино, они были то же самое, что кубик Рубика перед тем, как начнешь его собирать. Помните такую игрушку? Оставалось только повертеть его в воображении, поиграть гранями, красное к красному, синее к синему, зеленое к зеленому. Больше всего меня заинтересовали ваза, гиря и три ржавых ключа. Поскольку я человек натренированный в создании детективных головоломок, я собрала его где-то за час. То, что получилось, представляю на ваш суд.

Надеюсь, я хоть немного удовлетворила ваше читательское любопытство. Правдивость этой истории может подтвердить Екатерина, которой я еще раз говорю спасибо за эту книгу.

Ваша Наталья Андреева

А теперь место собственно предисловию

Здравствуйте, разрешите представиться! Меня зовут Неудачница. Моя жизнь – это ОЗК. Я не люблю это расшифровывать, но придется, иначе никто не поймет. Остров Затонувших Кораблей, кладбище моих желаний, всех как одно неосуществленных, свалка моих мечт, ни одна из которых так и не сбылась, ОЗК, в общем, печальное зрелище, и я – современный Робинзон, обманутый вкладчик или кинутый дольщик. Человек, чьи инвестиции во все проекты пошли прахом, чей телефон целыми днями молчит, письма на электронную почту еле-еле каплют, а друзья звонят только в день рождения и под Новый год, и то, если вспомнят. В основном звонят на следующий день:

– Дорогой ИА! Праздравля... то есть поздравляю... В общем, с праздником!

Вот именно: я ослица. На день рождения мне дарят мой собственный хвост и пустой горшок.

А начиналось все прекрасно. Так же, как у всех. Даже лучше, чем у всех! С аттестатом о среднем образовании (сплошь пятерки, между прочим!) и золотой медалью я рванула в Москву, как и все, за мечтой. И с первого же раза поступила в университет, получила койку в общежитии, кучу подружек и бурную студенческую жизнь. Ничто, как говорится, не предвещало.

Но счастье быстро проходит. Хотя тогда никто бы не сказал, что я неудачница. Вместе с красным университетским дипломом я получила работу, хотя и без жилья. Но в Москве никто не получает вместе с работой ключи от собственной квартиры, так что ничего странного в этом нет. И страшного тоже. Разумеется, я осталась! Сняла угол, взяла подработку и стала изо всех сил бить лапками, чтобы в моем жидком молоке образовался хотя бы маленький кусочек масла. Никто не посмел бы упрекнуть меня в том, что я лентяйка. Напротив, пчелка-труженица, умница, ответственная, пунктуальная. Честная. Положительный персонаж со всех сторон.

Я принялась осуществлять свою главную мечту: обзавестись жильем в столице и тем самым закрепить на этом острове счастья. В мегаполисе избранных, в городе, где сбываются мечты, даже самые шальные. Об этом, во всяком случае, все пишут и кино снимают. Я вам сейчас расскажу, как оказываются на ОЗК. Это совсем другая история.

Итак, я осталась в Москве. С дипломом о высшем образовании, с кучей мечт (ох, как же мне нравится это слово!), с хорошей работой, точнее, я трудилась в двух местах, а потом в трех. Моя жизнь отныне состояла из двух простых вещей: дорога на работу и собственно работа. Обратная дорога как-то выпадала из сознания, потому что я не помню, как ехала в метро и забивалась в переполненную электричку после того, как отпашу свой жуткочасовой трудовой день. И не будем об этом.

Как-то незаметно я растеряла всех друзей, потому что отныне могла говорить только о работе. Во время дружеских посиделок я люблю тему развивала в этом русле:

– А вот у меня на работе...

В конце концов моим друзьям это надоело, и меня перестали к себе приглашать. И я их понимаю. Служба есть у каждого, и каждому интересна своя. А в свободное от нее время хочется поговорить о чем-нибудь другом. Вообще не вспоминать, что завтра тебя ждет работа (да провались она!). Я перестала ходить в кино и уж тем более в театр, забыла о существовании музеев и даже книг, дошла до того, что перестала покупать телевизионную программу. Зачем? Все мое время поглощали дело и мысли о ней. О том, что я буду делать завтра на работе. Поскольку говорить со мной было не о чем, а слушать я тогда не умела, мой телефон замолчал навеки. То есть стали звонить только с работы и по делу.

Работа, работы, работе, работу, работой, о работе... Как вам такая жизнь? Как я поняла потом – полное дерьмо.

А тогда я радовалась возможности все выходные дни проводить дома у телевизора. Три часа дороги пять раз в неделю, а иногда и по субботам тоже. Да что там! Довольно часто и по субботам. Когда исчезли друзья, то и нерабочие субботы исчезли. Мне осталось только воскресенье, само собой, что я предпочитала отоспаться и просто полежать на диванчике, бессмысленно щелкая пультом. Я намеренно не говорю, где именно тогда трудилась, потому что к нашей истории это не имеет никакого отношения. *Та* моя работа. А об *этой* мы еще поговорим.

Время летело незаметно. Я опомнилась только, когда все мои знакомые и родственники стали начинать разговор со мной с такой фразы:

– Замуж еще не вышла?

А мамин взгляд, когда она смотрела на меня, сделался умоляющим. Да, я бы так его назвала: просящий, умоляющий, сочувствующий.

– Хоть за кого-нибудь...

Так смотрят все мамы, чьим дочкам исполнилось двадцать пять: уже не надо олигарха, хоть за кого-нибудь. Потому что, ясен пень, олигархов давно разобрали, а все, что осталось, это так называемый второй сорт. А то и третий. Совсем уж засидевшимся в девках типа меня и вовсе достается некондиция. Откровенный брак. Почему, спрашивается, я должна на это идти?

Я сначала не понимала, почему разведенная женщина имеет социальный статус выше, чем просто незамужняя? Ни разу так и не сходимшая под венец. Оказывается, это так. Разведенных жалеют, старых дев презирают. Мужик из разряда «хоть за кого-нибудь» зачастую оказывается подлецом, всех нормальных уже разобрали, и развод с ним запрограммирован изначально. Это просто смена социального статуса на более высокий – разведенки.

Наконец я поняла, что со мной не все в порядке. Сами подумайте: где мне с ним познакомиться? С этим «хоть с кем-нибудь»? В электричке по дороге на работу? Кто ездил, тот поймет. Даже забившейся в утреннюю электричку, уже не до знакомства. А по дороге домой тем более. Мысль в голове только одна: упасть бы, чего-нибудь зажевав. Потому что завтра снова рано вставать. Про выходные я уже говорила. Подружки знакомить с мужчинами не любят, если они сами не замужем. Да если и замужем. В любви каждый сам за себя, процесс знакомства напоминает разведку, вылазку в тыл врага с целью захвата военнопленного – мужа. Да и не стало у меня больше подружек, чтобы ходить с ними в разведку.

Это был первый затонувший корабль, явившийся основой моего острова. Его остовом. В двадцать пять – старая дева. И тут уже корабли начали тонуть один за другим.

Во время визита к гинекологу у меня неожиданно обнаружили опухоль. Не понимаю, чего меня туда понесло? Я прекрасно знала, что там услышу:

– Сколько вам лет? Половой жизнью живете? Как так? Надо жить!

Будто половая жизнь является основой благосостояния! Если вдуматься, то так оно и есть. Но я все никак не могла зажить половой жизнью и решила проверить на всякий случай, как это отразилось на моем здоровье. Отразилось плохо, у меня в груди нашли опухоль.

Я сразу скажу, что она оказалась незлокачественной. Сказать «доброкачественной» у меня язык не повернется. «Доброкачественная опухоль» – это звучит как-то гм-м-м... Учитываемая, сколько я пережила... Добро к этому злу отношения не имеет ни в коем случае. Но чтобы вы не переживали, скажу: это сказка со счастливым концом.

Сначала меня направили на обследование. И вот тут я открыла одну очень интересную деталь. Оказывается, мир делится на две части. В одной живут здоровые люди, в другой больные. Одна моя подружка (бывшая) сказала:

– Ой, не люблю я про больницы.

Читать, смотреть и так далее. Даже говорить. Одно время я подслушивала чужие разговоры. Когда со мной случилось *это*. Когда работа перестала меня интересовать. И даже то, что я в двадцать пять старая дева, перестало вдруг волновать. Я стала ходить и слушать, о чем говорят люди. Две самые популярные темы, так сказать, хиты: политика и болезни. Либо

ругают депутатов и все, что «они творят», либо обсуждают последний визит к врачу, болезни родственников, несчастья друзей. Болезни общих знакомых любят обсуждать по той причине, что это можно делать с чистой совестью. Вроде как из сочувствия. Люди обожают говорить о чужих несчастьях. Подростков я не считаю, им не важен сам предмет разговора, важно, кто изошреннее матерится. Так они самоутверждаются. На чью сочную ремарку прохожие обернутся, а какая-нибудь тетка возмутится: да разве так можно? Смысл в том, чтобы и ее отмазать и послать. Вот я какой крутой, мне все по фиг! Мужики еще говорят о выпивке. Это прелюдия к разговору о политике. Но тема болезни, без сомнения, хит.

Каждый здоровый человек думает: со мной этого никогда не случится. И совершенно напрасно. Я тоже так думала. Со мной? Никогда! А потом вдруг рухнула в эту бездонную пропасть: анализы, бесконечные осмотры, томительные ожидания в очередях, приемный покой, беспокойство насчет наркоза. Плохой или хороший? Возьмет или не возьмет? А как отходит?

Не буду останавливаться на этом подробно. Здоровым не интересно, а больные и так все знают. Вкратце. Мне дали больничный. Пока со мной все это происходило, на всех в мире работах как-то обходились без меня. Опухоль удалили и велели мне ждать результатов биопсии. Я оказалась как бы между двух миров. Я не знала, что будет через десять дней. Вот я прихожу за результатом, и мне его не отдают. Это означает одно: путь в онкологию. В мир больных людей, где бесконечно число «не». Нельзя загорать, греться, ездить на море, ходить в солярий, в баню, в сауну, нервничать, переживать по всякому поводу, пить, курить, есть то-то и то-то. Можно: пить таблетки, регулярно обследоваться, беречься и...

А что делать-то? По счастью, есть мир таких же больных людей, которые абсолютно не понимают всех прелестей мира людей здоровых. Я же говорю, это совершенно разные миры. Смысл одного – бесконечная погоня за удовольствиями. А их море, и все надо охватить. В другом мире все эти удовольствия недоступны. Смысл пребывания в нем – вылечиться, переселиться в мир здоровых людей. За каким чертом – непонятно. Потому что в большинстве своем ограничения остаются. А жить в мире здоровых людей без права пользоваться всеми его удовольствиями – это ведь то же самое, что после смерти попасть в рай с оговоркой: ночевать будешь в аду, но за примерное поведение на ночь останешься здесь. Только не ешь райских яблок, не пей амброзию, не слушай пение райских птиц, а еще ты никогда не удостоишься аудиенции у бога. А во всем остальном – ты в раю. Наслаждайся.

Тем не менее люди борются. Лечатся и даже выздоравливают. Но это какая-то другая жизнь, я ее, если честно, не очень понимаю. Может, потому, что мне повезло. Мне выдали на руки результаты исследования, что автоматически означало «здорова».

Но те десять дней, что я болталась между двумя мирами, сильно отразились на моей психике. О работе я само собой больше не думала. Какая работа, если мне светит химиотерапия? И, возможно, еще одна операция. О личной жизни тоже не думала. Какая личная жизнь с одной грудью и без волос? Я просто ждала. Наконец позвонила и замерла с трубкой в руке. Женщина, решавшая мою судьбу, пару раз просила меня перезвонить.

– Ой, я не там! Перезвони через полчаса!

Потом:

– Дел много. И, скорее всего, результаты еще не пришли. Когда была операция?

На мое робкое:

– Посмотрите, пожалуйста, я очень волнуюсь. Может, все-таки есть уже результат?

Я получила ответ:

– А чего ты волнуешься? Рак сейчас лечат. Хорошо, позвони мне через часок.

Я не знаю, может, есть люди, которые в ожидании результатов биопсии пойдут жарить себе яичницу с колбасой, потом с аппетитом ее съедят и даже забудут, что надо куда-то звонить.

– Ба! А биопсия-то! Вдруг там рак?

Точно так же, как они спохватываются:

– Ба! А пальто-то в химчистке я не взял! Вдруг завтра будет холодно?

Но когда тебе двадцать пять, ты не замужем и ни разу не была, детей у тебя нет, радости секса незнакомы и по сути жизни-то еще и не было, результат биопсии имеет принципиальное значение. А если это конец? Жизни не было и уже не будет. Будет борьба за жизнь, а потом рай с оговоркой: ночуешь в аду. Может, я утрирую, но у меня в тот момент было именно такое чувство. Когда я наконец дозвонилась, то есть когда этот посланник небес, от которого зависела моя судьба, дошел, слава богу, до кабинета, где хранились папки с документами, моя психика претерпела изменения, которые принято называть необратимыми.

– Ну вот, все у тебя в порядке. Живи спокойно. Да, за результатом как-нибудь заскочи. Не забудь. – И медсестра бросила трубку.

Мое состояние было странным. Я не завизжала от радости, не подпрыгнула до потолка, не помчалась на работу, чтобы с энтузиазмом вновь впрячься в этот воз и перевыполнить месячный план втрое. В моей душе не было ничего. Пустота. Вакуум. Я на всякий случай подождала еще немного. Есть такое понятие: отходняк. Вдруг у меня отходняк? Переволновалась, бывает. Через денек-другой, в крайнем случае через недельку, все пройдет. Я вернусь к прежней жизни, которая состоит из двух составляющих: дороги на работу и собственно работы.

И вот тут я впервые задумалась: а что дальше-то? Через пять лет такой пахоты я решу проблему с квартирой. Стану москвичкой, потом буду копить на машину или возьму ее в кредит, обзаведусь иномаркой, мне к тому времени будет за тридцать и, когда в моем распоряжении окажется полный набор успешной женщины, начну ходить по стриптиз-барам и покупать смазливых мальчиков. Они, мальчишки, ждут таких, как я.

Это называется Успешная Женщина. Уик-энд в Париже, бутик по рекомендации модного журнала, юбка-карандаш или баллон, в зависимости от того, куда качнет моду. Брюки клеш или дудочки. Поход в Лувр, обязательный визит к Эйфелевой башне или на нее. Бокал вина в модном ресторане, свежие круассаны на завтрак и снова бутик. Какой во всем этом смысл? Главная составляющая мира здоровых людей – погоня за удовольствиями и поиск новых удовольствий, когда закончились старые. А суть?

Честно сказать, я запуталась. Поняла только одно: жить так, как раньше, я не могу. Такая жизнь потеряла для меня смысл. Вдруг следующая опухоль окажется злокачественной? Как можно в таком случае брать ипотеку или кредит на машину, планировать поездку в Париж? Я поняла одно. Самое страшное – это крушение мечты. Когда она, мечта, уже в кармане. Когда кусок мяса уже проглочен и ты начинаешь его переваривать, а вдруг оказывается, что к нему привязана веревка. И этот кусок вытаскивают из твоего желудка. Бедный желудок! Я решила больше не мечтать. Никогда. Поберечь желудок.

Я не вышла на работу. Это был второй огромный корабль, который затонул. А третий... Я уехала из Москвы. Обратю в провинцию. К маме. С тех пор меня стали называть Неудачницей. В отличие от тех, кто уехал в Москву и там остался. А я осталась на ОЗК.

Зато мне подвернулся «хоть кто-нибудь». И в двадцать шесть лет я вышла замуж. Поскольку я полностью выполнила программу, сменила социальный статус на более высокий, стала разведенкой, я не буду рассказывать «историю своей любви». А о ее последствиях мы еще поговорим.

После развода я переехала к маме и устроилась на работу в библиотеку. Мама, кстати, успокоилась. Отныне она говорила:

– Моей дочери не повезло с мужем. А мне с зятем. И мы с ним расстались.

Все ее понимали. Кстати, она тоже разведена. У нас это, видимо, наследственное. Мне осталось только родить дочь, которая к тридцати годам выйдет замуж, чтобы через несколько месяцев развестись. Вот только от кого родить?

Пока я лишь думаю над этим вопросом и склоняюсь к мысли искусственного оплодотворения.

Моя проклятая рассеянность! Я же забыла представиться! У меня, как и у всех, есть имя! А Неудачница – это мой псевдоним!

Зовут меня Анфисой. Правда, красиво? Но это только по паспорту. Почему-то все меня называют Аней. Хотя я, разумеется, представляюсь Анфисой.

– Здравствуйте, я Анфиса!

Красивое редкое имя, мне оно очень нравится.

– А, Аня, привет!

Это мне уже не нравится, но я киваю:

– Привет!

Вот почему так?

К моменту, когда началась эта история, я всерьез считала, что жизнь моя кончена. Что я зачахну в своей провинциальной библиотеке среди фолиантов и таких же древних, как мир, читателей. Молодежь давно уже предпочитает Интернет.

Я же прочно поселилась на своем ОЗК и давно должна была стать одним из них, из этих затонувших кораблей. Пойти ко дну и там увязнуть в иле и обрасти водорослями, как какая-нибудь древность. Но у меня еще оставалась одна мечта, она и держала меня на плаву.

Об этом неловко говорить, но я все же решусь. Ох!

Дело в том, что я ясновидящая.

Кассандра

Этот дар открылся у меня в те десять дней, когда я ждала результатов биопсии. Я не помню, в какой день конкретно, в четверг или в пятницу, да это не важно. Пока я болталась между небом и землей, между двумя мирами, я была как бы ничья, и мне вдруг многое открылось. Я проникла в суть вещей и научилась видеть будущее. Мне стало ясно, что со мной случится, останься я в Москве. Потому и не осталась, что поняла: буду здесь очень несчастной. Я увидела это, будто посмотрела фильм о своей жизни в столице лет эдак через десять. Он был такой скучный, что я решительно принялась паковать чемоданы.

Но я не сразу догадалась, что стала пророчицей. Долго боялась в это поверить. Когда человек вдруг получает от бога какой-то дар, он далеко не сразу понимает, что с этим делать. Бывает, конечно, что получает при рождении, но такой родник имеет свойство со временем иссякать. Поэтому большинство гениальных детей превращаются в обычных людей. Иное дело, когда дар этот – своего рода компенсация, как у меня. За причиненные неудобства, если можно так выразиться. В природе царит абсолютная гармония, человек, который теряет все, находит другое все. Открывает иной мир, которых на самом деле много. Не два, как я думала во время болезни. И не три. Я не могу точно сказать, сколько их, этих миров, да и никто не может. Никогда не стоит сокрушаться по поводу утраченного. Еще неизвестно, где лучше.

Одно «но». Я получила свой дар с оговоркой. Моим предсказаниям никто не верил. Совсем как Кассандре. Согласно древнегреческой мифологии, это дочь царя Приама и Гекубы, обычная девушка, в которую влюбился бог Аполлон и наградил ее даром предвидения. А когда она ему отказала, сделал так, чтобы ее предсказаниям никто не верил. Все правильно: с богами не шутят.

Если бы в меня влюбился бог, я бы не стала упрямыться. Мой случай немного другой, хотя суть та же. Никто не верит тому, что я говорю. И я прекрасно понимаю почему. Сами посудите: рядом с вами вот уже много лет живет человек. Вы почти каждый день сталкиваетесь с ним на улице. Он работает, как я, к примеру, в библиотеке. Или развешивает колбасу в магазине. Метет улицы, смешивает в баре напитки. И вдруг этот человек говорит, что он написал книгу. Или картину. Будете вы относиться к нему как к творцу? Скорее всего, посмеетесь. Тоже мне, художник нашелся! Что ж ты раньше-то ничего не писал? А раньше ничего и не было. Внезапно дар открылся.

Вот с этим-то «внезапно» самая большая проблема. Услышав точь-в-точь такую же историю по телевизору или прочитав о подобном случае в газете, люди охотно в нее верят. Но если это случилось с соседом по лестничной клетке или с парнем, каждое утро выгуливающим во дворе собаку, все почему-то думают, что это признак шизофрении. Тоже мне, пророчица! Вот что сказали конкретно обо мне.

Кассандру, кстати, тоже объявили безумной. Родной папа запер ее и приставил к дверям стражу, чтобы не пугала людей. А она, кстати, не советовала принимать в дар от троянцев деревянного коня. И чем все кончилось? Город разграбили и сожгли, все умерли, а несчастную Кассандру при этом еще и изнасиловали!

Когда я говорю: « На днях твоя мама тяжело заболела и ее положат в больницу», – от меня шарахаются, как от чумной.

А если все происходит, как я сказала, начинают плевать и называть ведьмой:
– Сглазила!

Вообще-то в провинции живут очень милые и добрые люди, особенно я их полюбила после того, как пыталась штурмом взять Москву. *Те* люди и *эти* – две большие разницы. Я не говорю, что одни лучше, а другие хуже, просто раздражение и усталость, накопившиеся в столице, легко и довольно-таки быстро лечатся неспешной, размеренной жизнью в провинции.

Здесь вам охотно посоветуют, какие купить конфеты, чтобы не сломать зуб об окаменевшую начинку, укажут дорогу в интересующее вас учреждение, еще и проводят, не будут отрываться стандартными эсэмэсками в один из любимых всеми праздников, а обязательно придут в гости и поздравят. С цветами и конфетами. Помогут и денег не возьмут, потому что в провинции народ небогатый, все решают не деньги, а связи. Все всех знают и охотно оказывают маленькие (или большие, в зависимости от проблемы) одолжения.

Я очень люблю этих людей, добрых и открытых. Но черт меня возьми! Они по-прежнему верят в басни о колдунах! Они суеверны, как в Средневековье, будто ракеты сейчас в космос не летают и сама земля стоит на трех китах! Бегают снимать порчу к полуграмотным бабкам и отдают за это все свои сбережения. И верят, что помогло! Пьют керосин по совету всяких там шарлатанов-целителей и прикладывают к попе березовые веники. Народная медицина, конечно, полезна, но аппендицит не лечит, как ни крути.

Теперь представьте на минуточку, в какую ситуацию я попала со своими пророчествами.

Поскольку я самая настоящая ясновидящая, не какая-нибудь шарлатанка, то и говорю почти сплошь неприятные вещи. Какой смысл предсказывать добро? Да еще в мире, где так много зла! Я отчетливо вижу трагедию, смертельную болезнь или, скажем, авткатастрофу. Даже авиа. Когда разбился авиалайнер, на борту которого находились почти триста человек, я еще за три дня до рокового события ходила сама не своя. И без конца повторяла:

– Что-то случится, что-то случится...

Родная мать сразу после экстренного выпуска новостей сказала мне:

– Накаркала!

А слух-то идет! Тем более что я молчать не собираюсь. Люди должны знать о грозящих им несчастьях. И я спешу их об этом предупредить. Не ходите завтра в магазин, сломаете ногу. Не стоит ехать в гости к тете Лизе в эти выходные, в лучшем случае машина по дороге сломается, а в худшем вы врежетесь в стоящий на обочине трактор. Не отдавайте ребенка в этот садик, каждый месяц будете брать больничный.

В итоге добрая половина жителей моего родного города мечтает заклеить мне рот скотчем. Маме даже предлагали запереть меня в сумасшедшем доме. Слава богу, она не согласилась. В библиотеку, где я работаю, почти никто не ходит, за исключением одной полубезумной старушки, которая слушает меня открыв рот. Она сидит в читальном зале целыми днями, как весталка в храме у алтаря, и ловит каждое слово оракула, то есть мое. А я с удовольствием вещаю.

Благодаря такому ретранслятору весь город в курсе, что его ждет. Мои пророчества, слава богу, до людей доходят. Но мне этого мало. Я прекрасно знаю, какая опасность грозит родной стране. Я, подобно Кассандре, против троянского коня или вступления России в ВТО. Я готова предсказать курс доллара к рублю через пару лет и цены на московскую недвижимость. Разве можно с таким даром прозябать в провинции?

Нет, я очень люблю родной город и не собираюсь его покидать. Свой выбор я уже сделала. Но мне нужен эфир. Когда я смотрю передачи про экстрасенсов, не устаю плевать. Это же сплошные шарлатаны! Так ведь нельзя! Но попробуйте пробиться на телевидение! Конечно, я писала! И даже звонила! Я пыталась пройти кастинг! Знаете, что мне сказали? Что я шарлатанка и никакого дара у меня нет!

Я – шарлатанка! Вы только подумайте!

– Девушка, нам нужны доказательства.

Я бы с огромным удовольствием сказала этому типу, продюсеру, что на днях он сломает шею. Но увы! Судя по тому, что я ничего не чувствую, в ближайшие пять лет он будет процветать, а его шарлатанское шоу иметь бешеные рейтинги. А врать я не умею.

Поскольку я ясновидящая, то чувствовала, что случай проявить себя мне скоро представится и я смогу документально подтвердить свой дар. И тогда деваться некуда, они дадут мне слово. Они – это люди с телевидения, где я не прошла кастинг.

Я даже знала примерно, когда это будет, только не знала где. Но не случайно же меня потянуло в местный краеведческий музей?

Но обо всем по порядку.

Натюрморт с белой глиняной вазой

Одной в музей идти неприлично, поэтому я позвала Капку. Полное ее имя Капитолина. От слова Капитолий. Меня так и тянет на древности. Капка – единственная моя подруга, других нет. Не осталось. Я их всех растеряла, своих друзей, по дороге из Москвы в провинцию. Путь был долгим, длиной почти в десять лет, и друзья постепенно отвалились. А с Капкой мы вместе ходили в садик и даже пытались учиться в одном классе. То есть, записываясь в первый класс, мы обе попросили, чтобы нас посадили за одну парту. В итоге она оказалась в «А», я в «Б», зато обе на «Камчатке». Меня быстренько пересадили поближе к доске, поскольку я стала отличницей, и, когда приходила комиссия из гороно, меня показательно вызывали отвечать урок, а она, двоечница, так и осталась на галерке. Еле-еле осилила среднюю школу и местное педучилище. Что, впрочем, не мешает ей процветать в отличие от меня.

У Капки тоже есть дар. Мужчины от нее без ума. Ей, похоже, досталась и моя доля женской харизмы. Мужики любят ее за двоих, и за нее саму, и за меня. В то время как я оставалась старой девой до двадцати шести лет, она успела к тем же годам трижды сходить замуж и родить от каждого мужа по ребенку, и это не считая многочисленных любовников!

Полное ее имя Капитолина Поликарповна. Другая бы повесилась, а Капка и на этот крючок ловит мужиков. Показывает им свой паспорт, они ржут, как кони, и, не переставая смеяться, ведут ее в кабак. Отца ее зовут Поликарпом, в просторечии Карпушей:

– О! Карпуша опять за пивком понесся! Видать, всю ночь бухал!

Карпушиной востребованности у наших местных дам я не перестаю удивляться. Он всегда женат. Хотя законный ребенок у него один – Капка. Отчество Поликарповна в нашем городе носит она одна, чем несказанно гордится. Время от времени Карпуша со своим древним как мир чемоданом канареечного цвета, широко улыбаясь, идет по улице, и все знают, что он переезжает к новой жене. Надо отдать ему должное: пить-то он пьет, зато у него золотые руки. В квартире, где он живет, никогда не текут краны, а проводка в идеальном порядке. Первое, что он делает, поселяясь у новой пассии, это ремонт. Причем не косметический, а глобальный. У меня такое ощущение, что он задался целью отремонтировать все плохие квартиры в нашем городе, потому так часто меняет жен.

А почему меняет мужей Капка, лично для меня загадка. Они у нее не «хоть кто-нибудь», а самые завидные в городе женихи. Сама Капка маленькая, толстая, с короткими кривыми ногами и огромными зелеными глазищами, похожими на спелые ягоды крыжовника, в общем, не глазами, а очами, влажными, манящими, да еще и густо обведенными черным карандашом. За эти глаза ей можно простить все. А еще за смех. Смеется она так заразительно, что все вокруг невольно начинают улыбаться. Зубы у нее потрясающие! Белые, крупные и сверкают, как жемчуг. Не зубы, а страшный сон любого стоматолога. Если бы у всех были такие зубы, как у Капки, дантисты остались бы без работы.

Надо отдать должное Капке, она добрая. Лишних мужиков переправляет тупым подружкам вроде меня. Это она выдала меня замуж, только благодаря ей я сменила свой социальный статус на более высокий. Разумеется, она на моей свадьбе была свидетельницей. В благодарность я занимаюсь ее культурным развитием. Это я затащила Капку в Народный театр. Да-да, не смейтесь! В нашем городе есть театр! И режиссер у нас тоже есть! Его зовут Александр Николаевич. Он потрясающий мужик, в него все мы влюблены. И все, кроме Капки, – платонически.

В нашем народном театре я играю «кушать подано», а она главные роли. Потому что Капка – бывшая любовница режиссера. Иногда у меня создается впечатление, что все мужчины в городе ее любовники, либо бывшие, либо нынешние. В общем, у нас все как в Москве, только масштаб поменьше. Кто спит с режиссером, тому и достаются главные роли.

Как только меня посетило очередное видение, я позвонила Капке и сказала:

– Пойдем завтра в музей.

Она, конечно, отказалась.

– Да ты что, Анька! Завтра же суббота!

Выходные в провинции проходят по знакомому всем сценарию: с утра все идут на рынок. Это культурный центр любого провинциального города и место общения. Там можно встретить кого угодно, не надо даже заранее договариваться о времени. Все равно все без исключения будут там тусоваться часиков эдак с десяти до полудня. После похода на рынок народ садится за стол. А там уж по нарастающей. Либо вы в гости, либо к вам приходят гости. По договоренности или после того, как зацепились языками на рынке. Для чего туда, собственно, и ходят. Чтобы утвердить культурную программу на выходные. Поэтому подруга и уперлась. Но я была настойчива, как никогда:

– Капка, ты не растешь. В жизни тебя интересуют лишь две вещи: мужики и твои дети. Это несерьезно. Ты должна развиваться как личность.

Она задумалась. Потом спросила:

– И что я, по-твоему, должна делать?

– Пойти со мной в краеведческий музей. В эту субботу открывается экспозиция местных художников.

Слово «экспозиция» ее сразило. Она сказала:

– У меня есть новое платье.

И мы, как две дуры, нарядились и поперлись на выставку. Против людского потока, потому что все остальные шли на рынок. Поскольку Капку знают почти все в городе мужчины, а меня благодаря моим пророчествам почти все женщины, нас то и дело останавливали, чтобы спросить:

– Куда это вы направляетесь?

– В музей, – отвечали мы.

Я бы не удивилась, если бы у входа в местный краеведческий музей стояла карета «Скорой помощи», когда мы с Капкой наконец туда добрались. По дороге мы трижды крепко зацепились языками, а слухи, как известно, в провинциальном городе распространяются со скоростью света. О том, что в субботу две дуры отправились на выставку в лучших своих платьях, вместо того чтобы щупать шмотки на рынке, разумеется, знали уже все. И нам приготовили палату в психушке. На двоих, что радует. С Капкой не соскучишься. Но если я размазня, то Капку туда хрен упрячешь. Она даже пройти через турникет умудрилась бесплатно, прима, блин, народного театра, в то время как Анфиса Иннокентьевна, честный человек, она же «кушать подано», купила билет в кассе.

В музее мы были одни. Остальные либо уже ушли, либо решили отложить посещение выставки провинциальных гениев на вечер. Я добросовестно принялась осматривать шедевры живописи, а Капка зевать. Через полчаса она спросила:

– Как думаешь, свинину к полудню уже разберут?

Меня это оскорбило:

– Капка, ты в музее находишься! Посмотри, какой чудный пейзаж! Как точно художник передал настроение! А ты – свинина!

– Этот сарай на днях снесли. И слава богу.

– Сарай?! Старинный купеческий особняк первой половины девятнадцатого века?! Варвары! Да как они посмели!

– Аксенкин его купил. Еще один магазин забабахает, – сообщила она.

Аксенкин – местный олигарх. И спонсор этой выставки. У входа висит плакат, на котором огромными буквами написано: «Благодарим за помощь!!! Нашего мецената Н.С. Аксенкина!!!»

– Нил Стратонович! Мы вас заждались! Проходите сюда! Пожалуйста! Милости просим! Как ваше драгоценное здоровье? – услышала вдруг я.

Как вы уже поняли, в нашем городе какое-то время было модно называть детей старинными русскими именами. Сначала очень старинными, можно даже сказать ископаемыми, а потом среднестаринными. Мой бывший, к примеру, Ярополк. В просторечии Полкан. В минуты физической близости я ласково называла его Полкашей. Судя по имени-отчеству, Аксенкин старше меня и Капки лет на десять, раз он Нил. Я Анфиса, а моя лучшая подруга Капитолина. Это поколение от тридцати до сорока, включая моего Ярополка. А Аксенкин принадлежит к другому поколению, от сорока до пятидесяти. Сейчас детей уже называют нормальными именами. Анжелика, Кристина, Марианна и т.д. Зато, представляете, какие у них отчества? Анжелика Ниловна! Или Марианна Ярополковна!

– Вот кого бы закадрить! – толкнула меня в бок Капка.

И тут до меня дошло! Понятно, зачем эта змея потащилась со мной в музей! Она надеялась познакомиться здесь с Аксенкиным! Видимо, получила информацию, что Нил Стратонович посетит сегодня выставку, которую сам же и спонсировал. Меня так и подмывало сказать Капке:

– Ты себя в зеркало видела?

У Аксенкина все любовницы – фотомодели. У него столько денег, сколько не живут. Все в городе женщины мечтают с ним познакомиться, кроме меня. На вид он противный. Хотя я понимаю, что мужчина не кремовый торт, чтобы вызывать аппетит. К моему бывшему мужу я испытывала примерно такие же чувства. Он был мне противен. Я этого и не скрывала, но он ничего, терпел. Я тоже терпела на радость нашему местному гинекологу Щучкину, который сказал мне после осмотра:

– Ну вот, Анечка, теперь все у тебя в порядке. Одевайся.

– Тогда почему у меня нет детей? – спросила я, натягивая трусы.

– Рано еще. Этот вопрос ты задашь мне годика через два-три. Поживи со своим супругом половой жизнью. Да как следует.

И я жила. Но до секса, если честно, дело у нас доходило редко. Потому что наше утро начиналось так:

– Сегодня, Полкаша, у тебя на работе случится ЧП и тебя лишат премии, – говорила я.

Или:

– На днях ты сломаешь ногу. А если повезет, только руку.

Ложась в постель, он тут же делал вид, что спит, потому что боялся услышать:

– В следующем году во вторник у тебя не встанет. И тебе придется серьезно лечиться.

Но развелся он со мной лишь после того, как услышал:

– Напрасно ты взял в кредит дорогую машину. И месяца не пройдет, как ты попадешь в аварию. Ты ее хотя бы застраховал?

Через три недели он пришел домой грязный и злой, с кровоточащим порезом на левой щеке и с порога сказал:

– Все. Хватит. Ты ведьма. Накаркала. Ну почему ты никогда не говоришь мне ничего хорошего?! Что я, к примеру, выиграю в лотерею миллион?!

– Потому что не выиграешь. Ты всю свою жизнь проживешь в этой квартире, даже работу не сменишь, а что касается личной жизни...

– Замолчи!!! – заорал он. – Хоть на это я могу повлиять!!! Завтра же пойдем разводиться!

– Да пожалуйста!

– Лично мне даже не надо быть ясновидящим, чтобы предсказать, что ты никогда больше не выйдешь замуж!

– Позволю себе с тобой не согласиться.

На этом мы с «хоть кем-нибудь» и расстались. Чутье подсказывало мне, что он не прав в том, что касается моего замужества. Но я точно знала, что мужчина моей мечты это не Аксенкин. Поэтому не искала с ним знакомства. Надо отдать ему должное, он тоже меня не замечал. Единственный во всем городе игнорировал мои пророчества.

– Кто здесь хорошо разбирается в живописи? – важно спросил Аксенкин.

– Я! – закричала Капка.

Я не выдержала и сбежала в самый дальний и темный угол. Пожалуй, я единственный человек в этом городе, кто знает, что Моне и Мане два разных художника, с первого взгляда отличает картину импрессиониста от работы абстракциониста и не вздрагивает при словах «барбизонская школа живописи». Не потому, что мы, провинциалы, тундра непроходимая. Просто именно в нашем городе живопись непопулярна. Вы попробуйте поговорить с местными жителями о театре! О! Тут они любому москвичу сто очков вперед дадут! И все благодаря Александру Николаевичу!

Но живопись...

– Посоветуйте мне что-нибудь для моей коллекции.

– С удовольствием, Нил Стратонович! Пройдемте...

– Где я вас видел?

– В нашем Народном театре я играю все главные роли.

– А... Офелия... То-то я смотрю, лицо мне ваше знакомо...

Дальше я слушать не стала. Во-первых, как Капка кадрит мужиков, я знаю наизусть. Во-вторых, меня словно молнией ударило. Как только я увидела эту картину, то забыла про все остальное. Это был натюрморт. Надо сказать, весьма странный, недаром его задвинули в этот дальний и темный угол. Хотя я бы повесила его на самое видное место, поскольку разбираюсь в живописи. Потому что он гениален, этот натюрморт. На нем изображены восхитительные старые вещи. Белая с синими полосками ваза, честно сказать, больше похожая на ночной горшок, гиря и связка ржавых ключей. И еще это был мой шанс попасть на телеэкран. Потому что, как только я на него взглянула, мой дар ясновидения проявил себя во всей своей силе. Я смотрела на картину и видела труп.

Расследование ведет...

Я пошла в полицию в свой обеденный перерыв, еле-еле дотерпев до понедельника. Мне и в голову не пришло, что все государственные учреждения в нашем насквозь провинциальном городе работают в одном режиме. И если у меня обед, то у них тоже. В отделении полиции все двери оказались заперты, кроме одной. Поскольку деваться было некуда, я туда вошла. Он тоже обедал, мужчина, сидящий за столом. Перед ним стоял термос, рядом с термосом лежал огромный охотничий нож, а на газете живописно были разложены полбуханки хлеба, полбатона полукопченой колбасы и кусок сыра. Этот потрясающий натюрморт так меня вдохновил, что я не попятилась назад, в коридор, а, напротив, сделала пару шагов вперед.

– Здравствуйте!

– У меня обед, – вздохнул он.

– У меня тоже, – храбро ответила я.

– Проходите, Анфиса, садитесь.

Он так и сказал: Анфиса! Я очень обрадовалась и одновременно удивилась:

– Откуда вы меня знаете?!

– Да кто ж вас не знает? – тяжело вздохнул он. – По крайней мере человек десять в этом городе всерьез собираются вас убить. И мы, как полиция, держим все на контроле.

– Убить?!

– А вы как думали? Кофе будете?

– Не знаю.

– Садитесь, раз пришли. Я сделаю вам бутерброд.

Я села. Он взял в руки охотничий нож и принялся кромсать колбасу. Каждое его слово было для меня точь-в-точь как удар ножом для этого полукопченого батона:

– Ну что? Неужели случилось? Пишите заявление.

Я так растерялась, что даже забыла, зачем пришла.

– Кто, где, когда, – деловито стал перечислять он. – Вам угрожали по телефону или письменно? Какими словами и в какой форме? Разберемся, – заверил он.

– Боже мой, неужели все так страшно?

– Хуже, чем вы думаете.

– Но я ничего такого не делала! По крайней мере в последнее время.

– Да? А зачем вы сказали моему соседу по даче, что у него все банки с огурцами взлетят?

– Не знаю. Показалось мне. То есть я увидела это во сне.

– И ведь взлетели! – весело сказал он. – Все до одной! Представляете, что творится у него в подполе? А вонища какая! Даже у меня на участке дышать нечем! И все благодаря вам!

– Я-то здесь при чем?

– Он порчу побегал снимать. Вы представляете, как снимают порчу?

– Приблизительно, – упавшим голосом сказала я.

– Какая-то полуграмотная бабка посылала в ваш адрес проклятия, тыкала иголкой в ваше фото. Или в куклу, которую состряпала из какой-то дряни. Не боитесь?

– Нет. Пойдите-ка, – сообразила я. – Сегодня утром на коврике перед входной дверью я нашла куриные кости.

– Вот видите! – обрадовался он. – Действует! И что вы с ними сделали?

– Господи! Выкинула, конечно! Собрала и по дороге в библиотеку бросила в мусорный контейнер.

– Руки покажите, – потребовал он.

Я показала.

– Странно, все в порядке. Стригущего лишая не наблюдается, кровоточащие язвы тоже отсутствуют. Или еще не подействовало? Труп неустановленного пока животного будем заносить в протокол? – деловито спросил он.

– Вы думаете, это не курица?! Неужели они убили кошку?! Или даже собаку! Какой ужас! Так это было жертвоприношение!

– Темные люди, – усмехнулся он. – Средневековье. Но вы тоже хороши. Чего вы везде суетесь со своими пророчествами?

– Я давно уже никому ничего не говорю!

– И тем не менее весь город в курсе. Ладно, пишите заявление. Я вас защищу.

– Мне от вас другого надо, – потупилась я.

– И чего же именно? – развеселился он. – Секса?

Он так и сказал: секса. Через «е».

– Нет, конечно! Дело в том, что в нашем городе скоро случится загадочное убийство. Или уже случилось.

Я думала, он сейчас заорет: «вон!!!»

Кто-нибудь другой так бы и поступил. А этот ничего. На вид он даже не совсем противный, хотя и не кремовый торт. И еще он называет меня Анфисой.

И тут, как назло, зазвонил мой мобильник! С субботы Капка обрывает мой телефон! Она ведь назвалась экспертом по живописи, в которой ни бум-бум! Разумеется, без моей помощи Аксенкин ее мигом разоблачит.

Я не понимаю, на кой он ей сдался? На вид Аксенкин противный, а что касается денег, то Капка и сама богатая. Во-первых, все ее бывшие мужья исправно платят алименты. А один даже уехал на Север к нефтяникам, и оттуда на Капкино имя ежемесячно приходят денежные переводы, которым завидует весь город. Потому что сумма – секрет Полишинеля, почтальонша по дороге к Капкиному дому всем встречным-поперечным показывает извещение, а у того ее мужа, что уехал на Север, как назло, прекрасный почерк.

Во-вторых, Капке регулярно дает деньги Карпуша. Как только видит дочку, тут же лезет в карман и достает оттуда купюру или две со словами: «Внучкám на конфеты». Деньги у Карпуши есть всегда, своими золотыми руками он делает их буквально из воздуха. И Капка их берет, «чтобы не прóпил».

Это «внучкám на конфеты» – «чтобы не прóпил» происходит чуть ли не ежедневно. Город у нас небольшой, деятельный Карпуша дома не сидит, да и Капка живчик, поэтому они время от времени друг на друга натываются. Даже если всю стараются избежать встречи, все равно натываются. И куда деваться? Денежные купюры перетекают из Карпушиного кармана в Капкина.

– Права, дочка, не отдам, так пропью.

В-третьих, Капка работает. Воспитателем в детском саду. Место не денежное, но зато Капка каждый день приносит домой еду, и все ее дети находятся под бесплатным присмотром. Младшие ходят в садик, где она работает, старший учится в школе, которая находится через дорогу от этого садика. У Капки есть полевой бинокль, доставшийся ей от второго мужа, военного. В этот бинокль она прекрасно видит сидящего за партой сына, а если не видит, тут же звонит директору, с которым у нее, кажется, начинается роман:

– Борислав Семенович, где там мой Эмилька шатается?

Вы уже поняли, что Бориславу Семеновичу от тридцати пяти до сорока, а Эмиль еще мальчик, ему нет и десяти. Наши жители по одному только имени человека легко определяют его возраст, не глядя в метрику.

Четвертый источник ее дохода – подарки. Даже бывшие Капкины любовники не забывают поздравить ее с Восьмым марта, не говоря уже о дне рождения. И дарят не какую-нибудь ерунду, а полезные в хозяйстве вещи. Не знаю уж, чем она их берет, мне даже коробки конфет

за всю мою женскую жизнь ни разу не подарили. На единственный мой день рождения, который мы с «хоть кем-нибудь» праздновали вместе, я получила от него спиннинг. Надо говорить, что я ненавижу рыбалку? А вот Капка всегда получает только то, что хочет.

Так что с Аксенкиным Капка не из-за денег.

– Чего ты хочешь? – спросила я.

– Да не я! Он! Он хочет купить картину, да так, чтобы на ней заработать! А я не знаю, что сказать!

– Ты же эксперт. Должна знать.

– Аня, я тебя умоляю! Проси что хочешь!

– Я тоже не эксперт.

– Да, но ты ясновидящая!

Трудно сделать мне комплимент более приятный. Я понимала, что Капка поступила так из корысти, но смягчилась. Тем более это было и в моих интересах.

– Я могу сказать, на чем можно заработать. В музее есть одна картина...

– Какая?! – радостно завопила Капка.

– Я тебе ее покажу. – Я вопросительно посмотрела на сидевшего напротив мужчину. Тот еле заметно кивнул. Я воодушевилась: – Эта картина бесценна. Аксенкин наверняка на ней заработает. Бешеные деньги, – добавила я для верности.

– Я ему сейчас позвоню! Когда мы сможем пойти в музей?

– После работы. Давай встретимся у входа в шесть.

– В шесть часов музей закрывается! – огорчилась Капка. – Ты знаешь хотя бы одно место в нашем городе, куда можно беспрепятственно войти после шести?

– Знаю. Кабак.

– Так там же не зарабатывают, а тратят!

– В музее тоже не зарабатывают. Пока, – вовремя спохватилась я. – Но ты права: в шесть он закрывается. Как быть?

– Ничего, – вмешался мой спаситель. – Я позвоню туда и скажу, чтобы нас ждали. Не расходились, пока мы не решим вопрос.

– Ты слышала? – спросила я Капку. – Звони Аксенкину.

Мой расчет был прост: картина опасна и надо изъять ее из обращения, как фальшивую банкноту. Иначе быть беде. Но у меня нет средств, чтобы ее купить, в своей библиотеке я зарабатываю немногим больше десяти тысяч за вычетом подоходного налога. Как вы понимаете, этого еле-еле хватает, чтобы сводить концы с концами. У меня иной раз на колготки денег нет, хожу в штопаных, и если бы не мама... Но не об этом сейчас речь. Не о бедности нашей культуры, то есть не о бедности работников культуры, конечно. Все время путаюсь. Я об убийстве: можно просто попросить художника не выставлять опасную картину на всеобщее обозрение, но ведь он может заартачиться. С какой стати ему убирать с глаз долой натюрморт, который может прославить его как минимум на весь наш город? Выход один – купить его. Я готова впарить сомнительную картину Аксенкину, лишь бы предотвратить преступление. Я так и сказала Капке: в нашем краеведческом музее висит шедевр живописи мирового значения.

– О как! – восторженно воскликнул мой визави.

– Ты где? – насторожилась Капка. – И с кем?

– С мужчиной.

– Я поняла, что с мужчиной. Кто он?

– Я в полиции, не беспокойся.

– О господи! Что ты там делаешь?!

– Пишу заявление. То есть уже не пишу. Я думаю, если мы изыдем из музея натюрморт с белой вазой, то все будет хорошо. Только надо сделать это быстро. Увидимся в шесть. – И я дала отбой.

– Что за картина? – вцепился в меня сотрудник полиции, как только я запихнула телефон обратно в сумочку. – Она заминирована, что ли?

– Пока не знаю. Знаю только, что в ней таится опасность. И нам, то есть вам, то есть нам с вами и с ними, срочно надо в музей.

К моему огромному удивлению, он согласился:

– Хорошо. Во сколько вы заканчиваете работать, Анфиса?

– Без пяти шесть.

– Без пяти шесть я буду ждать вас у входа в библиотеку.

– Вы и это знаете?! Что я работаю в библиотеке?!

– Одно время я даже подумывал установить в читальном зале постоянное дежурство одного из наших сотрудников, – вздохнул он. – Вас люто ненавидят. Я думаю, костями на коврик дело не ограничится. Вам всерьез грозит опасность, поэтому отныне я всегда буду рядом, – заверил он. – Кстати, меня зовут Арсением. Арсений Савельевич Ладушкин. – Он еле заметно опустил подбородок. Я тоже представилась полным титулом: Анфиса Иннокентьевна Лебедева, ясновидящая. И мы наконец познакомились.

«Ему около сорока, – тут же подсчитала я. – Постарше меня, скорее всего в разводе, и с социальным статусом у него все в порядке».

И мне стало так спокойно! Я правда не поняла, почему он со мной возится, но когда поняла, то решила, что это достойно отдельной главы. Но надо собраться с духом. Сначала об убийстве.

Ограбление века

Я же говорю, у нас все как в Москве, только масштаб поменьше. Но пусть вас это не смущает. Человек, он везде человек. А олигархи и у нас есть. К примеру, Аксенкин. Но обо все по порядку, а то я все время сбиваюсь.

Итак, в шесть часов вечера у входа в местный краеведческий музей собрались: я, сотрудник полиции Арсений Ладушкин и Капка с олигархом Аксенкиным. Тот просто рвал и метал. То есть рвался в музей, чтобы метнуть туда многотысячную рублевую гранату и купить произведение бессмертного искусства. Бессмертное произведение искусства, конечно! Просто он меня так напугал, что мои мысли стали путаться.

– Где она?! – орал Аксенкин. – Кто посмел?!

Посмел утаить от него источник дохода. Аксенкин считает, что все в этом городе принадлежит ему, а раз он спонсор выставки местной живописи, то вся она без остатка его собственность. Такой уж у человека характер. Благодаря полицейскому Ладушкину нас ждали. Смотрительница музея, сухонькая старушка, дрожащими руками открыла двери в рай.

Аксенкин вперся туда, как танк, готовый снести все на своем пути к обогащению, в том числе и несчастную старушку. За ним семенила Капка. Я не стала торопить события, потому что знала: без меня никак. Только я в курсе, какая из картин бесценна. Так и вышло. Войдя в зал, где находилась экспозиция, танк «Нил Стратонович Аксенкин» застопорил ход и развернул башню в мою сторону:

– Ну и где?!

Я, не дрогнув, указала рукой в самый дальний и темный угол:

– Там.

Аксенкин рванул туда, а я решила подождать, поскольку у меня появилось дурное предчувствие. Так и вышло. Из угла раздался рев:

– Убью!!! Кто посмел!!!

Старушка как подкошенная упала на руки едва успевшему подхватить ее Арсению, который, обращаясь почему-то ко мне, спросил:

– Валерьянка есть? Или что-нибудь успокоительное?

Я слегка обиделась:

– Наркотиками не балуюсь.

– А так сразу и не скажешь. Тогда просто воды.

– Я принесу, – вызвалась Капка.

И ушла за водой, потому что меня не отпустил Аксенкин. Заорал:

– Стоять!!! Отвечай: что за картина и куда она делась?!

– Спросите у нее, – кивнула я на полумертвую старушку. – Картину либо купили, либо украли. В любом случае это лишь подтверждает мои слова: она бесценна.

В этот момент появилась Капка с водой. стакан из ее рук взял Аксенкин и выпил его залпом. Старушке ничего не досталось. Она по-прежнему не могла говорить.

– Еще воды! – велел Аксенкин.

Будь он уже Капкиным любовником, мало бы ему не показалось. Но с мужчинами, которые ей пока не принадлежат, Капка обращается так, будто это хрустальные вазы. Разбиваться на куски они должны исключительно после того, как окажутся в ее руках. А до того – ни-ни. Поэтому она покорно засемила за вторым стаканом воды. На губах у нее играла загадочная улыбка. Свою роль Капка знает наизусть – Офелия.

– Итак, картина исчезла, – сказал Арсений то ли нам, то ли старушке, которую по-прежнему поддерживал. – Остается выяснить куда.

– Любые деньги, – рванул ворот рубахи от «Версаче» олигарх Аксенкин. – Верните мне ее.

Голос его был хриплым, но между ним и вторым стаканом воды встала я. Так что старушка наконец напилась и смогла говорить.

– Ее забрал автор, – проблеяла она.

– Как, когда, почему? – со всех сторон посыпались вопросы.

– Вчера. Пришел и забрал. Сказал, что картина продана.

– Кому?! – заорали мы хором.

– Мы не спросили. Да и зачем? Продана и продана. Это его дело, художника.

– Это теперь мое дело, – сердито сказал Аксенкин. – Я заплачу втрое больше. А, кстати, что на ней было?

– Глиняная ваза, белая с синими полосками, гиря и связка ржавых ключей, – охотно перечислила я предметы, составившие прекрасный натюрморт, который, увы, исчез.

– Тогда пусть нарисует мне два кувшина, две гири и хрен знает сколько ржавых ключей, – засопел Аксенкин. – Плачу втрое.

Я сразу поняла, что в искусстве Стратоныч ни бум-бум. Количество предметов, запечатленных на полотне великого мастера, не обязательно переходит в качество. Я не считаю, что такие полномасштабные шедевры, как «Гибель Помпеи» или «Явление Христа народу», эта толпа, включая мраморных статуй и полуголых богинь, и впрямь безумных денег стоят, но, с другой стороны, ее в сумке не унесешь. Опять же масштаб, не кран же строительный подгонять? А резать на куски, это уже, простите, варварство. Иное дело натюрморт. Это дело тонкое. И две глиняные вазы – перебор. Тем паче две ржавые гири. Но Аксенкин этого не понимает. Помогла мне Офелия.

– Нил, не пыли, – велела она. Так и сказала: не пыли. Я поняла, что Аксенкин почти уже ее собственность. – Проще взять готовую вещь. Вдруг вдохновение его больше не посетит? Кстати, кто он, этот художник? Неужели пробило кого-то из местных?

– Нет, он из самой Москвы, – охотно пояснила смотрительница музея. – Приехал к друзьям погостить, и ему здесь так понравилось, что он снял домик, кстати, в двух шагах отсюда. Сказал, места уж больно живописные.

Забыла сказать, краеведческий музей находится на территории бывшего мужского монастыря. Прекрасно, кстати, сохранившегося, за исключением самих монахов. Эти вообще не сохранились даже на кладбище. Наверное, сразу вознеслись. А вот монастырские стены целели прекрасно, равно как и постройки. Правильно, зачем им возноситься, в раю и так есть где жить. Так что все без исключения досталось нашему городу в качестве достопримечательностей. И колокольня, и трапезная, и молельня. И еще много старинных построек, одна из коих была запечатлена на полотне, принадлежащем кисти того же мастера. Его не унесли вместе с ключами и ржавой гирей, непонятно, кстати, почему.

– Он живет вот здесь, – кивнула на картину старушка.

Я вгляделась в старинный фасад, весь в трещинах, окно формой напоминает половинку лепестка садовой ромашки, подоконник почти врос в землю. Прекрасная, ни с чем не сравнимая старина! Вот где нашло приют вдохновение!

– Это мы мигом найдем! – сказал Аксенкин, схватив со стены картину. Смотрительница не посмела возразить, тем более Стратоныч заявил: – Это я тоже беру. Покупаю. Плачу втрое.

Он первый вышел из музея, мы следом. На этот раз я шла замыкающей, мой выход еще не скоро, я это предчувствовала, поскольку была ясновидящей.

Честно сказать, я еще ни разу не видела, чтобы GPS-навигатор выглядел таким образом: Аксенкин пер вперед, то и дело сверяясь с картиной, которую держал в руке. Тем не менее работал этот странный навигатор исправно, всего через десять минут мы нашли искомое. В конечной точке маршрута нас ждал старинный особняк, почти непригодный для жилья.

– Ага! – сказал Аксенкин, сунув под мышку пейзаж.

– Вам ничего не кажется странным? – задумчиво спросил Арсений.

Мне пока ничего не казалось, потому что вид загоразивали широкие спины наших мужчин. Аксенкин был просто толстый, что касается Арсения, то он высокий, а потому непонятно, толстый или нет. Люди такого роста вполне могут себе позволить иметь с десятков лишних килограммов в отличие от маленьких. Я уже хотела посмотреть, что там за странность за широкими мужскими спинами, но меня опередили.

Аксенкин просто сгорал от нетерпения завладеть баулом ржавых ключей и складом с белыми глиняными вазами, поэтому с победным криком ринулся в дом, не обратив внимания на странности, о которых предупреждал Арсений. Как я узнала потом, дверь была приоткрыта. И если бы в свидетелях был не сотрудник полиции, Стратонычу дорого обошлась бы любовь к искусству. Потому что буквально через минуту он выскочил из двери как ошпаренный. И лица на нем не было. А был только костюм от «Армани» за три штуки баксов, а под ним – белая рубашка тоже от кого-то. Кажется, от «Версаче». Вот лицо его как раз и стало такого же цвета, как этот «Версаче».

Арсений тут же понял: его выход. И решительной поступью двинулся в дом. За ним туда зачем-то сунулась Капка, и совершенно напрасно. Она тут же пулей вылетела из дома. Мне придется временно исключить ее из повествования, потому что потом она блевала. И блевала долго.

На этот раз за водой пошел Аксенкин. Нервы у него были крепкие, и у меня, как оказалось, тоже. Меня даже не стошнило, когда я это увидела, войдя в дом, наверное, от любопытства.

Неизвестный мужчина лежал на полу. Я сразу поняла, что он не местный. Во-первых, подпись под картинами, которые он малевал: Александр Зима. Судя по возрасту, его должны были звать Ярославом, Всеславом, Всеволодом, на худой конец Русланом. А поскольку он был Александром, то родился не в нашем городе. Да еще фамилия Зима. В нашем городе нет людей с такой фамилией, а если и есть, то они шифруются. Хотя бы потому, что зима у нас девять месяцев в году и все ее люто ненавидят. Только потом я поняла, что, возможно, это псевдоним. А по паспорту он какой-нибудь Иванов или Сидоров. А может, и того хуже. Во-вторых, он жил там, где никто из местных жить не хотел, в доме, стены которого, словно стригущий лишай, покрывала липкая плесень, крыша текла, а электричество то и дело вырубалось. Он жил здесь временно, пока на улице было тепло, потому что я не знаю человека, который не сбежал бы отсюда, едва задует холодный ветер и солнышко перестанет облизывать горячими лучами насквозь проржавевшую крышу. Только тогда здесь более или менее тепло, при солнышке. А зимой все, кранты, даже людям с такой фамилией. Он и не дожил до нее.

При жизни этот Александр Зима, должно быть, выглядел неплохо. И нравился женщинам. Но сейчас он никому не мог нравиться, даже полиции в лице Арсения. Тот сказал:

– Ну, елки-палки! С меня с живого теперь не слезут, пока я не найду, кто это сделал!

Он так растерялся, что не мешал нам с Аксенкиным затаптывать улики. Ладушкин сказал потом:

– Вот же слоны! Все здесь затаптали!

Немудрено, что он растерялся. Сами подумайте: город у нас тихий, провинциальный, и людей здесь убивают далеко не каждый день. И даже не каждый год. Убийство для нас – вселенская трагедия, глобальная катастрофа – моя, кстати, специализация. И я предупреждала: скоро случится загадочное убийство.

Почему загадочное? Потому что исчезли только вещи, изображенные на картине, весь этот старинный хлам. И сама картина тоже исчезла. То есть не совсем. На полу рядом с разможенной головой художника валялись осколки глиняной вазы. Той самой, белой с синими полосками. А что касается гири, ржавых ключей и самого натюрморта, то их здесь не было.

– Что скажешь, ясновидящая? – хмуро посмотрел на меня Арсений.

– Полицию надо вызывать.

Заметьте, это я предложила, не он. Потому что он растерялся. Хоть и огрызнулся:

– Без тебя знаю.

И достал наконец из кармана мобильный телефон.

У нас все то же самое, что и в Москве, только масштаб поменьше. Расстояния соответственно тоже. Приехали они быстро. Что интересно, один из оперов, совсем еще молоденький, сразу пристроился блевать рядом с Капкой. Наверное, решил таким образом завязать знакомство с местной примой. Офелия, правда, выглядела не лучшим образом: ее огромные зеленые глаза почти сливались с зеленым лицом, а волосы мокрыми прядями висели вдоль впалых щек. А все из-за чего? Она увидела жирных зеленых мух, которые роились над телом несчастного Александра Зимы. Умереть бы ему и в самом деле зимой, и не было бы никаких мух. Но сейчас, в конце августа, уже, конечно, не очень жарко, но, с другой стороны, и не май месяц. В мае у нас прохладно и мух мало, равно как и комаров. А вот сейчас – сколько угодно! Было такое ощущение, что все они здесь, эти жирные навозные мухи. Вот Капка и не вынесла этого зрелища. Зато эксперт не колебался с выводами:

– Убили вчера.

Вчера было воскресенье. В воскресенье у нас вообще никого не убивают. В крайнем случае в субботу. В воскресенье у всех плохих людей, отбросов общества (а убил-то явно отброс), похмелье. С похмелья не будешь гирей молотить! Я почему-то уверена, что убили гирей. Той самой, что на картине. Ах да! Я ж ясновидящая! Конечно, я знаю, как и чем убили! Только непонятно, почему не знаю, кто и за что? Вот вам еще одна странность.

Надо сказать, что странностей было полно. У этого Зимы оказался неплохой гардеробчик. Одним словом, московский. И ни на одну из вещей убийца не польстился. Либо он был слишком худ, либо, напротив, толст. Потому что про таких, как Зима, говорят: нормального телосложения. Ну, хорошо, не захотел картинный вор носить одежду Александра Зимы, так ведь и за стол не сел! А художник явно ждал гостей. Они с покупателем, должно быть, собирались обмыть удачную сделку. На столе возвышалась бутылка дорогого коньяка, на тарелках была разложена нехитрая холостяцкая закуска, которой мухи, разумеется, тоже не пренебрегли. О них тут больше всего позаботились: и труп, и ветчина, вот все мухи сюда и слетелись. Но и коньяк убийцу не заинтересовал, он, видимо, сразу же перешел к делу: схватил гирию и принялся молотить ею А. Зиму по голове.

Я совсем забыла про Аксенкина. Пока суд да дело, мы вышли на улицу, олигарх отозвал Ладушкина в сторонку и повелительно сказал:

– Найди мне ее, слышишь, Арсений? Найди мне эту картину!

– Да где ж я тебе ее найду, Стратоныч? – развел тот руками.

– Ты же будешь искать убийцу?

– Разумеется. Это моя работа.

– Заодно и картину найдешь. Отдашь ее мне, с твоим начальством я договорюсь, чтобы не приобщали к делу. А тебе хорошо заплачу. Считай, это твоя премия.

– Я взятку не беру, – обиделся Арсений.

– Да знаю я, Ладушкин, что ты честный, – поморщился Аксенкин. – Удивляюсь, как тебя еще из органов не выперли. Таким, как ты, место на пенсии, а до нее на бирже труда. Получать грошовое пособие, брать в почтовом ящике бесплатную агитку и смаковать под морковный чаек факты новой коррупции в родном отечестве, чей дым и сладок, и приятен. Я ведь говорил твоему начальнику: хлебнешь ты с Ладушкиным. Ты ж, как собака на сене, ни сам, ни людям. Ну, так ведь это и не взятка. Так. Вспоможение.

«Слово-то какое купеческое нашел! Вспоможение!» – удивилась я, внимательно прислушиваясь к разговору. Мне было интересно: чем все закончится? Уговорит он Ладушкина или нет?

– Слушай, Стратоныч, неужто у тебя денег мало? – всерьез разозлился Арсений и на морковный чаек, и на агитку.

– В том-то и дело, что много. А я, может, не просто буржуем быть хочу. А этим... как бишь его? Во! Меценатом. Женюсь вот на Офелии, театру новое здание отгрохаю.

Капка на минуту перестала блевать. Но молоденький полицейский всерьез собирался отбить ее у олигарха Аксенкина. Очередной рвотный позыв служителя закона оказался заразителен и для Капки. Она выбросила из головы мысль о новом замужестве и тоже нырнула в густую траву.

– ...музей отремонтирую, – мечтательно продолжал меж тем Аксенкин. – Снесу на хрен всю эту старину...

Меня аж дрожь пробила. Мало того что он систематически уничтожает купеческие дома, прекрасные образчики мещанского быта позапрошлого века, так еще и бывший мужской монастырь собирается снести! Этого никак нельзя допустить...

– ...отгрохаю на этом месте современное здание из стекла и бетона. А в центре главного зала повешу эту картину. С гирей. Шедевр бессмертной живописи. И подпись: «Дар Нила Стратоновича Аксенкина родному городу».

– Врешь, – спокойно сказал Арсений. – Картину ты продашь, если она и в самом деле немалых денег стоит. Я тебя не первый год знаю. Ты не меценат, ты хапуга. – Отыгрался-таки за морковный чаек!

– А может, и вру, – согласился Аксенкин. – Но ты меня, Сеня, не отпихивай. Со мной дружить надо, а не с шашкой наголо. Обменялись мнениями – и хватит. Каждый остался при своем. Друзьями мы с тобой никогда не будем, так, может, деловыми партнерами? А потом разбежимся. Ну, так как?

– Я подумаю, – хмуро сказал Арсений. – С Анфисой посоветуюсь. – Он оглянулся.

– Слышь, предсказательница, – тут же переключился на меня Аксенкин. – Где картина?

– Пока не знаю, – важно ответила я. – Не вижу.

– Ну, как увидишь – скажи.

Он недобро ощерился. Я уже и так поняла, что дело будет непростое. Потому что тут замешана моя лучшая подруга. К сердцу каждого человека есть ключик. Так вот Капка – это отмычка. Я ее туда не впускала, в свое сердце. Она сама вошла, как привыкла входить в любую дверь. Своих детей у меня нет, но есть Капкины.

Их у нее трое, я уже говорила. Два мальчика и девочка. Эмиль, Дездемона и Ромео. Только не думайте, что хотя бы один из них от нашего режиссера Александра Николаевича. Это просто влияние Народного театра, к которому я приобщила Капку во время одного из своих визитов в родной город. Я тогда еще жила в Москве, и Капка меня слушалась беспрекословно. В столице модно участвовать в любительских постановках? Так и мы не лыком шиты! Натев вам Дездемону с Ромео! Если с Ромео все сразу стало понятно, его отец никуда из родного города не исчезал, был вполне здоров, хотя практически всегда нетрезв, его сына все стали звать Ромкой. А вот насчет остальных Капкиных детей народ долго не мог определиться. Один папаша отбыл на Север, другой на юг, и оба исправно слали детям немаленькие, прямо скажем, алименты. Что за пьеса? Трагедия или комедия? Но Капка молодец! Она в главной роли, и все аплодисменты – ей.

В конце концов Капкину дочку стали звать Моной, а Эмиль так и остался Эмилем. Другое имя ему не подходит. Честно скажу, более красивого ребенка я в жизни не видела. У него огромные Капкины глазищи, зеленые с поволокой, и мамыны же белоснежные зубы, похожие на крупный жемчуг. В отличие от Капки он пока стройный, как тополь, и, судя по комплек-

ции его отца, таким и останется. Не надо быть ясновидящей, чтобы предсказать: в будущем Эмиль станет многоженцем или известным киноактером. А скорее всего, тем и другим одновременно, многоженцем-киноактером. Капке и здесь повезло: благодаря Эмилю она никогда не будет жить в бедности. Он очень любит свою мамочку, а она не расстанется с полевым биноклем. Местные дамочки уже стонут:

– Ах, Эмиль!

А ведь мальчишке в этом году только десять лет исполнится! И он уже разбивает сердца! Мое, увы, не стало исключением. Чего я не сделаю ради Капки, сделаю ради прекрасных глаз Эмиля. Это из-за него все мужчины кажутся мне противными. Я на все готова, лишь бы он сказал:

– Тетя Аня очень добрая и красивая.

Маленький лжец! У него и так все есть, но он не пренебрегает ни одним карманом, куда можно безнаказанно залезть! Я таю как сахар, глядя в его огромные зеленые глаза.

Ах, Эмиль!

– Анфиса, эй! Очнись!

Это Арсений. Надо возвращаться в реальность. В нашем городе случилось ограбление века! Украла килограммовую гирию и связку ржавых ключей!

Но есть еще и труп. Труп московского художника А. Зимы. И надо во что бы то ни стало отгадать этот кроссворд с гирей и ключами. И узнать, почему разбилась ваза. Так что вперед, Анфиса Иннокентьевна! Мать твою, ясновидящая!

Первый подозреваемый

Итак, полиция в лице Арсения принялась отрабатывать версии. Первая возникла сразу, правда, надо отдать должное Ладушкину, не у него. Как вы думаете, кого с самого начала стали подозревать в убийстве московского художника? Правильно, меня!

Надо объяснять почему? Еще на заре моей карьеры предсказательницы я поняла очевидное. Во всех смертных грехах отныне буду виновата я. Уж сколько об этом написано! Сколько фильмов снято! Прописная истина: чтобы доказать свою уникальность, экстрасенс идет на все, в том числе и на преступление. Сначала я срывала крышки с банок, уничтожая соседские соленья, потом поливала водой дорожку, ведущую к булочной, в надежде, что ночью ударит мороз, а теперь вот взялась за гирию. И все лишь для того, чтобы народ убедился: Анфиса Лебедева ясновидящая.

Ничего не скажешь, действительно. Но необъективно. Мне такие легкие победы не нужны, вот почему я не убивала А. Зиму.

Это хорошо, что я такая умная. Накануне той авиакатастрофы, ну, вы помните, я весь день проторчала на семинаре библиотечных работников и даже делала доклад, чтобы все время быть на виду. Мне нужны были свидетели. Я и на пушечный выстрел не подходила к зданию аэровокзала и ни с кем из пассажиров не контактировала, я весь день проторчала на семинаре после которого, как и полагается, был банкет по обмену опытом. Пожалуйста, вот свидетели! Пятьдесят человек! Кстати, мой доклад произвел впечатление. Я старалась. Когда создаешь алиби, мелочей не бывает. Они так и сказали, члены комиссии, расследующей причины глобальной авиакатастрофы:

– Виноват человеческий фактор.

Но мое имя произнесено не было.

Получив этот бесценный опыт, я воодушевилась. И в роковое воскресенье приложила максимум усилий, чтобы все время быть на виду. Сначала отправилась утром на рынок. Проторчала там до полудня, что я ненавижу всеми фибрами своей души, но мужественно решила терпеть. Я ходила по рынку и всем говорила:

– Здравствуйте!

В конце концов от меня стали прятаться. Зато заметили.

На рынке я встретилась со своими дальними родственниками, которые меня терпеть не могут, поэтому мы сто лет не виделись. Они и на сей раз хотели спрятаться, но поскольку от меня прятались все, то укромных мест на рынке к полудню не осталось. Несчастливая мама родня вышла из мясных рядов на закланье, а поскольку я не собиралась уходить, они на меня тут же наткнулись. В любое другое время я бы отступила, но только не сегодня. Сегодня мне требовалось алиби, поэтому я вцепилась в них мертвой хваткой:

– Плохо выглядите, тетя Поля. Советую вам сменить место работы, неприятности поджидают вас именно там.

С работой у нас в городе туго, поэтому моя двоюродная тетя от горя побледнела как полотно и стала выглядеть еще хуже. С одной стороны, моим пророчествам никто не верит, с другой – они всегда сбываются. Несчастливая всерьез задумалась: как быть? Остаться нищей, то есть пойти на биржу труда, или умереть от неизлечимой болезни? Какие такие неприятности я имела в виду?

А я тем временем занялась братом:

– Я слышала, ты дачу достраиваешь, Савва. Вчера во сне я видела пожар. И вот, пожалуйста! Встречаю тебя! К чему бы это?

Мой многоюродный брат стал одного цвета со своей мамой, то есть тоже побледнел. Таким образом я взяла их тепленькими:

– Если интересны подробности, я сегодня зайду. Давно мы не общались, а ведь как-никак родня!

Люди, которые живут в провинции, не только милые и добрые, но еще и очень тактичные. Это москвичи мгновенно отшивают непрошенных гостей:

– Извини, у меня другие планы.

Провинциал так никогда не скажет, тем более родственнику. Родственные чувства для него – святое. Моя тетя не нашлась что сказать, кроме:

– Ну что ж...

И в три часа дня меня ждал жареный гусь. Таким образом они пытались задобрить судьбу в моем лице. Вдруг я передумаю? Все знают: когда я наемся до отвала, мои предсказания делаются не такими уж мрачными. Я начинаю видеть не только глобальные катастрофы, но и свет в конце тоннеля. Я так и сказала, глядя на гуся:

– Если у вас, тетя, сменится начальник, то проблемы, быть может, сами собой рассосутся.

А когда подали шарлотку с антоновскими яблоками, обрадовала брата:

– Может быть, в моем сне горела соседская дача, не твоя. Ваши дома ведь близко друг к другу стоят. Участки-то крохотные, всего по шесть соток. Но ты на всякий случай бди.

Они оба улыбнулись: отлегло! А моя мама сказала:

– Вечно ты придумываешь, Аня.

Вот до чего дошло! Родная мать тоже стала звать меня Аней! Зачем тогда дала мне это красивое редкое имя? Я так и спросила ее по дороге домой.

– Время было такое, – развела руками она. – Все тогда так называли своих детей. Подружка назвала дочку Анфисой, ну и я тоже. Показалось – это красиво.

– А сейчас уже не кажется?

– Аня-то к сердцу ближе. Как-то роднее звучит. А? Дочка?

– Но почему не поступить по-другому? Сделать не так, как все, а как тебе хочется? Взгля бы да назвала меня Аней всему городу назло.

Она задумалась. Признаюсь: мои вопросы зачастую ставят людей в тупик, не только мою маму. Пришлось ответить самой:

– Я поняла: вы сами не знаете, чего хотите. Нет у вас никаких своих желаний, потому что страшно. Все ваши желания – быть как люди. Или не хуже людей. Мне интересно, кто тот человек, на которого все равняются? Эталон, мерило, точка отсчета. Аксенкин? Мэр города? Директор школы Борислав Семенович? Кто он?

– Анечка, что с тобой? – заволновалась мама. – Почему ты так нервничаешь?

– Мне просто интересно. И непонятно. Как можно всю жизнь прожить с оглядкой на людей? Делать не то, что тебе хочется, а лишь то, за что нельзя осудить. То есть ничего не делать. Есть, пить, спать, ходить на работу, которая вся – сплошная скука. Отбывать повинность, одним словом. Вот как так можно?

– Это потому, что ты почти десять лет прожила в Москве, – грустно сказала мама. И добавила: – Но там тебе тоже не понравилось.

– Я по крайней мере живу. Ищу себя, пробую.

– Да тебя весь город называет сумасшедшей, – не удержалась она.

– Они меня просто боятся, – устало сказала я.

От родственников мы отправились на прогулку. Я таскала маму по всему городу, пока на улицах не стало совсем пусто. Но я была уверена: они смотрят в окна. Мама – не алиби, и я это прекрасно понимала. Мне нужны ВСЕ. Весь город. О! Я знаю! Они охотно упрячут меня в тюрьму! Они только об этом и мечтают! Поэтому я всю ночь напролет буду ходить под их окнами. ВСЕ не могут сговориться. Поодиночке ни один из них не захочет стать моим алиби. Но ВСЕ! Куда они денутся? Их главная проблема в том, что они не могут против меня

договориться. Этот монолит на самом деле куча наваленных в беспорядке камней. В огромных щелях постоянно гуляет ветер. Это слухи.

Я бы ходила под окнами всю ночь, честное слово! Но мама не выдержала:

– Холодно, Аня, пойдем домой.

Куда деваться? Но в десять вечера я пошла смотреть сериал к соседке по лестничной клетке. И проторчала у нее до полуночи. На сей раз обошлось без предсказаний.

Слава богу, Зиму убили до полуночи. Эксперт так и не смог с точностью определить время. Проклятые мухи! И, разумеется, жара. Но мое алиби оказалось не просто железным, а железобетонным. Я все воскресенье была на виду. У меня за весь день не нашлось ни единой минутки свободной. А ведь до музея еще надо дойти! Это вам не ближний свет! Украина! Да еще на горе! Ни один человек в городе не видел, как в воскресенье я карабкаюсь на гору. Потому что я этого не делала. Вот так.

Но они вцепились в меня мертвой хваткой. Они – это следователь. Его Величество Дознавание. Не Арсений. Тот сразу сказал:

– Лебедёва здесь ни при чем.

Буквально два слова о моей фамилии. Чтобы доказать вам, что я законопослушная гражданка. Не будь я таковой, давно бы подчистила паспорт. Убрала бы две точки над буквой «е». Есть ведь прекрасная, звучная фамилия – Лебедева. А я вот Лебедёва! Звучит, согласитесь, простецки и даже вульгарно. И все дело в двух маленьких точках, еле заметных глазу. Убрать их – и дело с концом. Я так и сказала маме.

– Разве нельзя было обойтись без точек над «е», заодно чернила бы сэкономили?

– Как можно, Аня? – испугалась она. – Мы всю жизнь были Лебедёвы. И все знают, что мы Лебедёвы, а не Лебедевы. Все равно ведь так и будут звать. Да еще и посмеются!

Самый страшный мамин сон – стать предметом общегородских пересудов. Не дай бог показаться обывателям смешной или недалекой. Но я во что бы то ни стало сделаюсь Лебедевой! Я все равно этого добьюсь! Мне ведь еще не раз придется менять паспорт. Вы спросите, почему я не взяла фамилию «хоть кого-нибудь», когда выходила замуж? Да потому что он Воробушкин! Ладно бы Воробьев! Хотя, согласитесь, обидно из гадкого утенка превратиться в воробья. Ладно бы в гуся или в индюшку. Была б я Анфисой Индюшкиной. Или Гусевой. А то – Воробушкина! Ну уж нет! Дудки! Лучше оставаться Лебедёвой. Я и осталась.

И вот вам, пожалуйста! А говорят, что я нарушила закон! Хорошо, Арсений за меня заступился.

Но вопросы задавал не он. Его вообще в кабинете не было. Следователь был молодой, он просто горел желанием сделать карьеру, что само по себе отвратительно. Есть два типа карьеристов: тайные и явные. Одни тщательно скрывают, что метят в кресло своего начальника, и предпочитают все делать чужими руками. Плетут интриги, пока сотрудники не упадут на колени:

– Ах, Иван Иванович! Спасите!

И спаситель, скромно улыбаясь, берет бразды правления в свои руки. И все ему благодарны.

Явные карьеристы в отличие от тайных постоянно сами себя куда-нибудь выдвигают. Они похожи на очкарика-отличника за первой партией, который все время тянет руку:

– Я! Можно мне!

И учитель время от времени вынужден говорить:

– Можно.

В итоге они получают-таки свою золотую медаль. Я тоже медалистка, но меня все десять лет учебы к доске тащили прямо-таки силком. Я и отвечала, глядя в пол, стесняясь, что я знаю то, чего никто не знает.

А этот до сих пор выпрыгивает из штанишек, не терпится ему! Еще бы, такой случай представился! Раскрыв преступление века, он попадает прямиком на первые газетные полосы, а оттуда сразу в зампрокуратуры. А там и до прокурора недалеко. Пока только нашего города, потом округа, а там уж и премьерское кресло вдали маячит. И он старался:

– Как давно вы задумали совершить убийство, гражданка Лебедева?

Убийство я задумала только что, глядя в его оловянные глаза. Мне хотелось сказать ему что-нибудь ужасное, но черт меня возьми! Его ждет блестящая карьера! Вот почему так? Плохим людям я не могу сказать ничего плохого! «Хоть кто-нибудь» не в счет. Да он и не плохой. Плохая в нашем браке была я, признаю это.

Я постаралась держать себя в руках:

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Хорошо, поставим вопрос прямо: откуда вы узнали об убийстве?

– У меня было видение, – честно ответила я.

– У вас есть справка от врача, что вы являетесь ясновидящей?

– А что, такие справки выдает врач? Вот не знала! Я всегда думала, что есть соответствующая инстанция, повыше.

– А именно?

– Господь Бог! – выпалила я.

– Под дурочку косите, понятно, – надулся он. – Не хотите, значит, сотрудничать. Мне вас в психушку упрятать – два пальца об асфальт.

– Непроточным языком выражаетесь, гражданин следователь.

– Так и вы себя ведете не по-граждански. Вы в нашем городе вообще персоне нон грата. Ого! А этот щенок образованный! Высоким штилем умеет выражаться! Ты смотри!

– Это нигде не запротоколировано, – холодно сказала я. – Лишение меня гражданских прав. Покажите мне решение суда перед тем, как называть меня персоной вне закона. Более того, пока такого постановления суд не вынес, вы обязаны меня защищать, когда в мой адрес поступают угрозы. Я исправно плачу налоги, у меня есть пенсионная карточка и полис обязательного медицинского страхования.

– Он вам вскоре пригодится, – мстительно сказал мальчишка.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду палату в психиатрическом стационаре, – так же официально ответил он. – У вас два пути: в дурдом или на нары. Потому что в ваши видения я не верю. И никто не верит. Все чрезвычайные происшествия в нашем городе, случившиеся за последние три года, так или иначе связаны с вами. Ваше имя фигурирует везде, во всех без исключения протоколах. Вы – страшный сон всех правоохранительных органов нашего города, включая меня. Этому пора положить конец.

– Вы решили взять на себя эту миссию? – с иронией спросила я.

– Для начала я решил взять с вас подписку о невыезде.

– Могу вас заверить: в ближайшее время я никуда не собираюсь. У меня даже загранпаспорта нет. Его срок год назад истек, а новым я еще не озаботилась.

– Вот и не озабочивайтесь. – Он покраснел, сообразив, что сморозил глупость. Хотя слово «озабочивайтесь» с грамматической точки зрения непогрешимо, звучит оно, согласитесь, двусмысленно. Но он, этот карьерист, продолжал гнуть свое: – Я сам вами озабочусь. Вашим будущим.

– Вы не в моем вкусе, – сказала я насмешливо. – Сделайте одолжение, озаботьтесь кем-нибудь другим.

Он покраснел, как вареная свекла, и вскочил:

– Ваши сексуальные фантазии оставьте при себе! Они наверняка такие же извращенные, как ваш образ жизни!

– Еще ни один человек в этом городе не может похвастаться тем, что он был моим любовником. – Я тоже встала. – Тем более в извращенной форме.

Теперь мы стояли друг против друга, глаза в глаза – он оказался маленького роста. Все понятно: комплекс Наполеона. Вот почему он страстно мечтает сделать карьеру. Ба! Да он подготовился! Потому что я услышала:

– Тогда вы заплатили деньги.

– Кому?

– Вашему сообщнику. Сами вы не убивали, это установленный предварительным следствием факт. Но вы являетесь организатором преступления, и я это докажу!

– У меня нет таких денег, – грустно сказала я. – Если бы были, уверяю, я нашла бы им лучшее применение, чем платить киллеру.

– Вы пять лет работали в трех местах в самой Москве. Копили на квартиру. Потом бросили все и уехали обратно в провинцию.

– И что?

– Где деньги?

– Пожертвовала в благотворительный фонд.

– Предоставьте справку.

Я молча показала ему фигу.

– А я вам скажу, где деньги, – торжествуя заявил он. – Вы покупали на них исполнителей своих так называемых пророчеств. Сначала банки с огурцами, потом ряд необъяснимых с точки зрения здравого смысла ДТП, теперь до убийства дошло. Вот куда вы потратили ваши денежки, гражданка Лебедёва!

Не лишено логики. Но я не собиралась так легко сдаваться:

– Докажите.

– И докажу! – разгорячился он.

– Можно я пойду? Мне на работу надо.

– Под подписку! – завопил он. – Только под подписку о невыезде!

– Да пожалуйста! – И так же легко, как свое согласие съехать от Полкаши, я подписала ограничение свободы передвижения. Сделалась невыездной.

– Теперь город может спать спокойно, – сказал он с удовлетворением, пряча документ в папку. У него все подвиги подшиты. – Я пресек вашу преступную деятельность. Отныне вы находитесь у меня под колпаком, помните это.

И Наполеон местного разлива эффектным жестом указал мне на дверь, в которую я с удовольствием вышла. Меня от него тошнило.

Версии

Поскольку мне нужна защита, я сказала Арсению:

– Не надо ссориться с Нилом Стратоновичем.

Согласитесь: для одного маленького человечка, каковым являюсь я, слишком уж много врагов. И каких врагов! Если к ним добавится олигарх Аксенкин, мое будущее сможет предсказать и младенец, едва научившийся говорить «мама»!

И я решила сделать Аксенкина своим союзником. Пусть думает, что мы ищем картину, хотя на самом деле мы будем искать убийцу и доказывать, что ко мне он не имеет абсолютно никакого отношения. Я не исполнитель, не организатор и даже не свидетель. Я вошла в комнату, где это случилось, последней. До меня там побывали, во-первых, настоящий убийца, во-вторых, Аксенкин, Ладушкин и, в-третьих, Капка. А я...

Я всего лишь ясновидящая, на которой лежит заветное, как на древнегреческой Кассандре. Моим предсказаниям никто не верит. И в сам мой дар видеть будущее тоже никто не верит. И я во что бы то ни стало хочу его снять, это заветное. Хочу документально доказать, что я – ясновидящая.

Но сначала я решила быть честной. На пути к истине нельзя прибегать к лжи. Тогда и вправду никто не поверит. Нет, только честно. Собрались мы в особняке Аксенкина. Ну а где? Я жила у мамы, Арсений у отца, а Капка с тремя детьми. Аксенкин же жил совершенно один в пятистах квадратных метрах. Вот где извращение!

Пока я тосковала по поводу излишков жилплощади у одного отдельно взятого олигарха, Капка ликовала. В самом деле, если *так* живут *здесь*, то как же живут *там*? Я имею в виду на самом верху социальной лестницы, между Лондоном и Парижем. Если провинциальный олигарх может позволить себе такое, что же тогда позволяют себе олигархи общероссийского масштаба? Страшно даже подумать!

Предусмотрительная Капка взяла купальник. А детей оставила на всю ночь с одной из своих бывших свекровей. Слава богу, их у нее три. Исчезнувшие мужья предпочли убраться налегке. На Севере слишком уж холодно, на юге чересчур жарко, а у нас, в средней полосе, самое то. Чего ж лучшее на хорошее менять? Поэтому бывшую жену, ребенка и родителей нефтяник и военный оставили в родном городе. Таким образом, у Капки есть целый штат желающих посидеть с детьми. Особенно этому рада, как вы сами понимаете, бабушка Эмиля.

Моя мама тоже обрадовалась, что хоть один вечерок своей разведенной жизни я скоротаю вне дома. В компании не только женщин, но и мужчин. Она не мечтает еще разок выдать меня замуж, понимая, что это безнадежно. Но прекрасно знает, что забеременеть от телевизора или от Флобера с Бальзаком я не могу. Даже от Мопассана. Для этого нужен мужчина, который еще не превратился в исторический памятник. И вновь она смотрит на меня умоляюще:

– Хоть кто-нибудь...

И я ее понимаю: пора. Мне скоро тридцать. Совсем уже скоро. Точнее, в этом году. Мне тридцать, а у меня еще нет ребенка. И мои шансы с каждым годом тают. А я, дура такая, еще и купальник не взяла! Знала бы мама, она бы меня убила!

Разумеется, на пятистах квадратных метрах жилой площади нашлось место всему, в том числе и бассейну. Бассейн был большой и очень красивый. Рядом с ним располагались сауна и бильярдная, также комната отдыха с самоваром и бубликами. Или баранками? В общем, там были большие и маленькие, и все круглые. Такие же, как я, круглая дура, которая смотрела на все широко открытыми глазами и страдала. Потому что в это время в Африке дети голодают. В общем, все было как у обычного олигарха, которых показывают в кино. Видно, в сериалах Нил Стратонович и подсмотрел такой образ жизни. Сам бы он не допер.

Расположились мы в бильярдной.

– Можно я искупаюсь в бассейне? – сразу спросила Капка.

Я поняла, что ей не терпится раздеться. И мы плавно переместились в комнату отдыха.

Мы – это женщины.

– А ты разве не взяла купальник? – удивилась Капка.

– Нет, а зачем?

– Это здорово! – отчего-то обрадовалась она.

Кроме нее, кстати, никто в бассейн не полез. Как выяснилось, Арсений тоже был без плавок, а Стратоныч сразу взял нас с ним в оборот:

– Сперва поговорим о деле.

И поманил Арсения в комнату отдыха. Таким образом, мое уединение было нарушено. Я теперь находилась в компании аж двух мужчин, каждый из которых по возрасту вполне мог иметь от меня ребенка. То есть наоборот, конечно. Я легко бы могла беременеть, вместо того чтобы жевать баранки. Но поди ж ты! Забыла купальник!

Зеленоглазая русалка с визгом окунулась в родную стихию, а мы зависли у медного самовара, лениво попивая чаек. Спиртное Аксенкин не предложил. То ли трезвенник, то ли жмот.

– Я хочу сказать вам правду, – мрачно начала я. Ведь мне может здорово влететь, когда на сцене появится настоящий эксперт по живописи.

– Говори, – милостиво разрешил Аксенкин.

– Эта картина на самом деле ни черта не стоит.

– Ха!

Что вы на это скажете? Я выдала чистую правду, а меня тут же заподозрили во лжи!

– Нил Стратонович, ну, сами посудите, кто он такой, этот А. Зима? Кто о нем слышал?

– Он из самой Москвы.

– Да в Москве таких художников пруд пруди! У него не было ни одной персональной выставки!

– Это правда. – И я поняла, что Стратоныч умеет пользоваться Интернетом. – И я бы тебе охотно поверил, если бы не два обстоятельства.

– Какие именно? – насторожилась я. Мне было интересно узнать, где я прокололась.

– Если эта картина ничего не стоит, почему ее тогда украли? И второе: сколько она может стоить, если за нее убивают?

Логика железная. Что тут возразить?

– Если вопрос не решается с помощью денег, значит, сумма настолько значительная, что жизнь человеческая стоит гораздо дешевле, – авторитетно заявил Аксенкин. – Зная расценки, я приблизительно могу представить, сколько эта картина стоит, раз она дороже человеческой жизни. Тем более у нас в городе, где все разборки давно уже закончились. Сейчас любой вопрос можно решить с помощью денег. Если он не был решен, значит... Значит, эта картина бесценна! – неожиданно закончил он.

– Ваза, гири и три ржавых ключа? – с иронией спросила я. – И в чем же их ценность?

– Это ты мне должна сказать. Ты же у нас ясновидящая, – насмешливо заявил Аксенкин.

Я впервые посмотрела на него с интересом. Чувство юмора – это что-то новенькое. До сих пор он просто орал, оказалось, он умеет и шутить. Не так сказала: пошучивать. Какие еще в Аксенкине таятся сюрпризы?

Тут из бассейна наконец вынырнула Капка. Плавать в гордом одиночестве скучно, это понятно. Прямо в мокром купальнике она приперлась к нашим баранкам:

– Я что-то пропустила?

– Пока нет. – Я вздохнула. – Мы только начали выяснять, в чем может быть ценность этой картины за исключением художественной?

– Под мазней А. Зимы скрывается неизвестный ранее шедевр Леонардо да Винчи! – ляпнула Капка, вытирая полотенцем влажные волосы.

– Во! – оживился Стратоныч. – Умница!

– Э-э-э... – попытался возразить Арсений.

– Каким, интересно, образом? – помогла ему я. – Милая, откуда у нас взялся да Винчи?

– Проездом из Италии, – продолжала лепить Капка. – Из этой? Как ее? Флоренции!

– Ты спятила! – возмутилась я. – Где мы и где Флоренция? И ты хотя бы приблизительно представляешь себе, в каком виде было нынешнее Российское государство в то время, когда жил и творил Леонардо да Винчи? А ну-ка, скажи мне, Рюриковичи были на троне или Романовы?

– Какая разница? – продолжала упрямиться Капка. – Ну, царь.

– Какой именно?

– Николай Первый! – не моргнув глазом, выпалила она.

Я лишь тяжело вздохнула: двоечница.

– Так вот, чтобы ты знала: Иван Грозный еще даже не родился. И на троне был не царь всея Руси, а великий князь. Потому что не образовалось еще никакого государства, были княжества. Венецианцы в нашу глушь, конечно, заезжали. Иногда. Один из них, кстати, оставил довольно выразительное описание Ивана Третьего, чьим внуком и был Иван Четвертый Грозный...

– Стоп-стоп-стоп! – замахала руками Капка. – Довольно! Я тебя знаю, начав с Рюрика, ты не успокоишься до тех пор, пока не перечислишь всех русских царей! Давай ближе к телу. Ну, не да Винчи. Сама сказала: венецианцы сюда заезжали. Один из них и оставил этот шедевр. Проезжал мимо, скажем, в Киев... Ну не в Киев, – поспешно поправились она, заметив мой осуждающий взгляд. – В... Хабаровск! О господи! Что, и Хабаровска не было? Но ведь что-то же было? Туда он и ехал. Остановился у нас в городе переночевать. В монастыре. Что, и монастыря не было? Да ладно врать! Монастырь был всегда! Нашего города даже в помине не было, а монастырь существовал! Там он и заночевал, этот венецианец. Лег спать и... Умер, – неожиданно закончила она. – А картина осталась.

– Не лишено логики, – задумчиво произнес Аксенкин. – На самом деле это картина не Зимы, а какого-нибудь средневекового мазила. – Он так и сказал: мазила! – И кто-то об этом узнал. Пришел – и! – Он выразительно махнул сжатым кулаком, изображая удар гири.

– Вы оба сумасшедшие, – покачала я головой. – Натюрморт был мною осмотрен внимательно. Художник использует технику разглаживания красок. Картина полупрозрачная, почти невесомая, и ничего под ней спрятать невозможно. К тому же это картон. Средневековые же, как вы выражаетесь, мазила использовали холст. В крайнем случае дерево. Вы где-нибудь видели в музее подпись под картиной «Рафаэль. Масло. Картон»?

– Сама ты дерево, – надулась Капка. – Ты что, ее щупала, эту картину?

– Нет, на глаз определила материал, на котором она написана.

– Ага! На глаз! – торжествующе сказал Стратоныч. – Выходит, ошибка-то возможна! Наклеили картон на дерево! – Он торжествующе посмотрел на меня.

Еще один двоечник! Наверняка успевал по математике, а на истории резался в карты, сидя на «Камчатке».

– Нет, – отрезала я. – Забудьте о да Винчи. Равно как о Микеланджело с Караваджо. Не было их здесь. Это исторически установленный факт.

– Тогда кто-то из наших, – тут же нашлась Капка. – Из русских.

– Айвазовский, – встрял в разговор Арсений. Должно быть, это был единственный художник, которого он знал.

– Ага! Левитан! А под ним еще и Репин! Три в одном! – хмыкнула я. – Слушайте, оставьте эту мысль о том, что под ржавыми ключами скрыт неведомый шедевр. Это просто ржавые ключи на копеечном картоне. А Зима разрезал на куски коробку из-под какой-нибудь оргтех-

ники, чтобы не тратиться. И краски расходовал крайне экономно, отсюда и техника разглаживания. Скупой рыцарь от живописи.

– Тогда наркотики, – продолжала безумствовать Капка.

– В смысле? – вытаращила я на нее глаза.

– В картине есть тайник для перевозки наркотиков.

– Откуда куда? – деловито спросил полицейский Ладущкин.

– Во Владик, – нашлась Капка. – Из Средней Азии.

– Но при чем здесь мы? – оторопела я. – К нам-то зачем сворачивать?

– Проездом!

– Это какой же крюк надо сделать! Где мы, где Владивосток и где Средняя Азия! – возмутилась я.

Все дело в том, что, пока все остальные раскрашивали контурные карты, Капка вязала крючком. Вместо них, то есть контурных карт, она притаскивала на урок географии журналы по вязанию. Наша географичка тоже вязала крючком, и, пока весь класс раскрашивал карты, они с Капкой с упоением предавались изучению журнала, бурно обсуждая новые фасоны. В результате у Капки Париж находится на одной широте с Гренландией, а из ЮАР в Австралию ходят поезда. Учитесь, дети, в школе!

Даже Аксенкин понял, что Капка сказала чушь.

– В картине много не провезешь, – засопел он. – За такие деньги не убивают.

– А если это местный наркоман? – предположил Арсений. – Когда ломка, и за одну дозу убьешь.

Аксенкин всерьез задумался. Я поняла, что теряю союзника, и встряла в разговор:

– Я не думаю, что посредством пейзажа с глиняной вазой перевозили наркотики. Слишком уж... нерентабельно.

– А что тогда? – хмуро спросил Аксенкин.

– Бриллианты! – Капка сегодня прямо-таки фонтанировала идеями. Я готова была ее убить.

– Точно! – оживился Аксенкин. – Как мы сразу не доперли! В раме тайник! И это очень даже рентабельно! Бриллианты маленькие, а стоят много. Я хочу эту картину! – заявил он. – Вместе с камешками, разумеется.

– Не порите чушь, – разозлилась я. – Откуда у нас бриллианты?

– Из Голландии, – тут же нашлась Капка.

– Ага. Оттуда же, откуда и марихуана. Везли в Одессу, а по дороге заехали к нам. Бешеной собаке семь верст не крюк.

– И в самом деле сомнительно, – вздохнул Арсений. Ну, хоть один разумный человек нашелся! Слава тебе!..

– Тогда кто-нибудь мне должен объясни... – уперся Стратоныч.

– Конкретно что? – воззрилась на него я.

– В чем ценность этой штуки? Раз за нее убивают.

– Этого я сказать не могу. Пока.

– А я пока не могу спустить это дело на тормозах, – насмешливо сказал Аксенкин. – То есть забыть о существовании пейзажа.

– Это натюрморт, – машинально поправила я.

– Один хрен. В городе в кои-то веки появилась стоящая вещь, и она не моя. Так что вы, други мои, – Аксенкин соединил нас с Арсением выразительным взглядом, – ежедневно будете передо мной отчитываться. Пока ситуация не прояснится.

– А кто ты такой?! – моментально завелся Арсений. – Чтобы я, сотрудник правоохранительных органов, перед тобой отчитывался?!

– Я человек, у которого есть деньги.

- Да насрать мне на твои деньги! – вскочил Ладушкин.
- Арсений, сядь, – велела я. К моему огромному удивлению, он послушался. – Вот я скрывать не буду: мне нужны деньги. Очень.
- Кто бы мог подумать! – уставился на меня Аксенкин. – Это говорит женщина, которую я ни разу не видел хоть в сколько-нибудь приличном прикиде! И покрашенной!
- Я нормально одеваюсь, – обиделась я.
- Это ты называешь одеваться? – хмыкнул Аксенкин. – Нет, милая. Это по-другому называется.
- А именно?
- Похоронить себя заживо. Это даже не траур. Это рубище, которое не жалко лишь на покойника надеть. Потому что он все равно лежит в гробу. А гроб закапывают.
- Перестаньте меня оскорблять!
- Насчет твоего гардеробчика – чистая правда, – вздохнула Капка. – А на правду, как ты сама говорила, не обижаются.
- У тебя даже купальника нет, – не унимался Аксенкин. Дался им этот купальник!
- Я его просто не взяла.
- Когда ты в последний раз ездила отдыхать?
- Солнце мне вредно.
- Тебе все вредно. Все, что полезно нормальным людям.
- Допустим. Значит, вы верите, что мне нужны деньги?
- Куда деваться, – пожал плечами Аксенкин. – Но хотелось бы уточнить на что.
- Я хочу наконец съехать от мамы. Начать свою личную жизнь.
- Это столько не стоит, – моментально стал торговаться он. Вот зануда!
- Хотя бы первый взнос, – стала канючить я. – На ипотеку. Остальные метры я возьму в кредит.
- Вот дура! – не удержалась Капка.
- Я сам дам тебе кредит, – усмехнулся Аксенкин. – Незачем идти в банк. Мне тоже нужны рабы.
- Тогда я берусь за это дело. Я буду вести частное расследование. А Ладушкин мне поможет. Ведь так, Арсений Савельевич?
- Ладушкин что-то буркнул, и я поняла, что он сдался. О причинах моей столь легкой победы в следующей главе.
- Ну, вот и славно! – потер руки Аксенкин. – Даю вам три дня, потом доложите о результатах. А сегодня... – он оглядел стол с баранками и засопел, – сегодня я хочу напиться.
- Пить в одиночестве – это алкоголизм, – сладким голосом пропела Капка. Вот кто собирался сегодня забеременеть! И купальник захватила! Что ж, ей не привыкать.
- Знаю. Потому и спрашиваю: кто составит мне компанию?
- На работе не пью, – хмуро сказал Арсений и поднялся.
- У меня тоже дела, – я встала. Капкин взгляд был выразителен: убирайся!
- Нильчик, не оставлять же тебя одного! – рассмеялась она. От этого смеха по телу Аксенкина прошла сладостная дрожь. Он равнодушно посмотрел на нас с Арсением.
- Как хотите. Была бы честь предложена.
- И мы направились к выходу. Следующая глава вас немного удивит. Тем не менее.

О любви

Я наконец собралась с духом. Пора! Мне, как и вам, страсть как любопытно: чего это Арсений со мной возится? Почему защищает? Выгораживает? Даже Стратоныча в клочья не порвал, хотя и собирался – по лицу было видно. Но удержался ведь! И я горела желанием услышать причину. Поэтому когда Арсений сказал: «Я тебя провожу», возражать не стала. Хотя в этом городе я никого не боюсь, бояться меня. Все знают, что мой муж ушел от меня практически законченным импотентом, и я очень хочу взглянуть на того насильника, который осмелится ко мне приблизиться. Мне достаточно лишь сказать: «Завтра у тебя член отвалится». – И перепуганный насмерть мужской половой орган не будет ждать до завтра. Отвалится тут же, потому что люди мнительны. Эффект плацебо не сравним ни с чем, так же как эффект слеза. Трофическую язву на ноге проще объяснить порчей, чем антисанитарией или диабетом.

«Как?! Я не моюсь?! Да во всем соседка виновата! Не так посмотрела!»

Есть, конечно, в городе люди, которые готовы меня убить. Но для этого надо знать, куда я хожу, а не хожу никуда. Я дома сижу. Или в библиотеке. Но библиотека место культурное, и наши жители, которые все как один ходят на постановки Народного театра, не способны убить там, где хранятся бессмертные творения Шекспира и много чего еще. И в читальном зале, где я работаю, сидят люди. Дома же со мной сидит мама, а она убьет каждого, кто захочет убить меня. Ей плевать, что меня считают шизофреничкой, для нее я – все. Мои редкие отлучки из этих двух мест, абсолютно для меня безопасных, надо еще отследить. А за нами никто не шел, за исключением двух дворовых собак. Замаскироваться же под облепленную репьями, как входное отверстие в улей пчелами, кавказскую овчарку ни у кого из моих врагов фантазии не хватит.

Но Арсений так не думал. Крепко взяв меня под локоть, он сурово, по-мужски заговорил:

– Ты ведешь себя неразумно. Хотя бы газовый баллончик купи.

– Это еще зачем?

– Если кто-нибудь из жителей нашего города случайно наткнется на тебя в темном переулке, а под ногами у него вдруг окажется подходящий камень, результат гарантирован: твоим предсказаниям раз и навсегда придет конец, потому что придет конец тебе.

– Меня все так ненавидят? – искренне огорчилась я.

– Не все. Есть один человек, – он тяжело вздохнул, – который испытывает к тебе прямо противоположные чувства.

– И кто же это?

– Я.

Мое сердце сладко замерло. Я сразу поняла, куда он клонит. Мне ни разу в жизни не объяснялись в любви, не то что Капке. Она эти слова слышит чуть ли не каждый день, и плевать, что они принадлежат Шекспиру, а не тому парню, который изображает Ромео. Она все равно их слышит, эти волшебные слова, любую женщину, даже похожую на жабу, превращающие в королеву! Одиночество – это лягушачья кожа, которую все хотят сбросить, потому что женщина красива любовью, когда она согрета, обласкана, осыпана комплиментами. А я...

Признание Ярополка в любви звучало так:

– Аня, я долго думал и пришел к выводу, что лучше уж ты, чем вообще никого.

И моя лягушачья кожа натянулась, как барабан, но все же не лопнула. Он пытался меня любить, надо отдать ему должное. Но мне тоже надо отдать должное: я сопротивлялась изо всех сил. Могу повесить себе на шею в качестве трофея одно разбитое сердце. Было бы чем гордиться!

Поэтому я молчала. Язык мой – враг мой. Пусть скажет Арсений.

– Я знаю, ты очень удивишься. – Он замолчал и полез за сигаретами. Похоже, он волнуется. – Черт! Зажигалка сломалась!

– Успокойся. – Я взяла у него зажигалку и, чиркнув ею, добыла трепещущий огонек. Дала ему прикурить в надежде, что продолжение последует. Так и вышло.

– Я давно уже искал повод с тобой познакомиться. – Он глубоко затаился.

– По-моему, поводов было достаточно, – осторожно произнесла я.

– Да, но ты такая... неприступная. Честно сказать, я боялся к тебе подойти. Следил за тобой издали, мне нравилось в тебе все: как ты одеваешься, как говоришь, как ходишь... Ты столько раз на меня смотрела, но все время будто на пустое место.

– Просто я близорука, а очков не ношу. Они мне не идут.

– Тебе все идет! – горячо заверил Арсений. – И не слушай Аксенкина. Ты самая красивая женщина в мире, что бы ты ни надела. – Я потупилась. Что тут скажешь? Красиво! – И вот ты пришла сама. Когда я тебя увидел в своем кабинете, немного растерялся. И не смог сказать, что к тебе чувствую. Просто решил пойти за тобой, куда бы ты ни позвала. – «К трупу, облепленному мухами!» – Я сделаю все, что ты скажешь, даже если ради этого мне придется пойти на должностное преступление. Я тебя прошу, Анфиса, не отталкивай меня. – И он посмотрел умоляюще.

Я и не собиралась. Последнее время я всерьез подумывала об искусственном оплодотворении и уже настроилась на секс с пробиркой. А тут живой мужчина! Не превратившийся в исторический памятник, да еще и любит меня! Я что, сумасшедшая, чтобы отказывать ему?

– Если честно, я не ожидала... – На самом деле я хотела сказать «уже не надеялась».

– Тебя удивляет мой выбор? Да ты же не женщина, а мечта! – разгорячился вдруг он. – Мечта любого мента! Где ты – там смерть. Преступление. Опасность. С твоим появлением в нашем городе перестало быть скучно. До тебя мы не жили, а кисли. И вдруг – такие страсти!

– Шекспировские, – не удержалась я.

– Анфиса, мне не до смеха. – Он затаился чуть ли не до фильтра. – Ну? Что ты мне ответишь?

– Извини, я не услышала вопрос.

– Ты согласна быть моей девушкой?

– Я в некотором смысле уже не девушка...

– Я не так выразился, – нетерпеливо перебил он и метнул бычок в кусты. – Давай встречаться.

– Мы с тобой и так встречаемся каждый день. Ты предлагаешь сойтись? – помогла ему я.

– Типа да. – Он облегченно выдохнул. Слово «сойтись» явно не из лексикона влюбленных, поэтому озвучить эту мысль должен человек прагматичный. И я ему помогла. Осталось уточнить:

– И где мы будем жить? У твоего отца или у моей мамы?

– А других вариантов нет?

– Можно разбить палатку. Но скоро наступит зима, а зимой, сам знаешь, холодно.

Я еще не пришла в себя, поэтому тянула время. До того как Арсений признался мне в любви, я чего только не передумала! Ведь все остальные мужчины бегали от меня как от чумы. Я уже начала думать, что Ладушкин маньяк или тайный карьерист, втирается ко мне в доверие, чтобы спасти город от этой самой чумы и стать национальным героем. А тут вон оно что! Ее Величество Любовь! У меня даже слов нет, чтобы описать мои чувства, когда я услышала его признание. Совсем растерялась, простите великодушно.

В самом деле, как мне раньше в голову не пришло! Ну, для кого я еще могу стать идеальной женой? Только для мента! Благодаря мне профилактика преступности в нашем городе будет осуществляться на пять баллов с плюсом! Преступление еще только замышляется, а я уже знаю, где оставить засаду! Идеальный вариант! Выходит, моя вторая половинка – Арсе-

ний? Я посмотрела на него с сомнением. Честно сказать, чувств к нему у меня было не больше, чем к «хоть кому-нибудь». То есть никаких. Он был мне не противен, да и только. Но, быть может, я привыкну?

– Эх, Анфиса! – с сожалением сказал он. – Я уже понял: ты не отнеслась к моим словам всерьез. А зря. Я на все для тебя готов. Ну, хочешь, я засажу Стратоныча в тюрьму, и он оставит тебя в покое раз и навсегда? Подключу мужиков, мигом состряпаем уголовное дело, тем более за ним такое амбре тянется. Незаконная застройка, подкуп должностных лиц, уклонение от уплаты налогов. Да и по моей части хватает, по уголовной. Недаром он расценки на киллеров знает. Я ему трехтомное дело организую, пусть сидит в камере, читает. Он тут же забудет и про картину, и про тебя. Хочешь?

– Нет, что ты! Зачем?

– Затем, что он хам. Я ему еще припомню морковный чаек и пособие по безработице! Только ради тебя я все это вытерпел.

– А то что? Убил бы? – прищурилась я.

– В морду бы дал точно. У меня не заржавеет. – И он показал мне огромный кулак.

– Я думаю, Аксенкин не остался бы в долгу. А тебя бы вдобавок ко всему с работы выперли. Может, мы найдем другой способ?

– Ты и в самом деле собираешься раскрутить его на деньги? – удивился Арсений.

– Нет, тут другое. Я просто не хочу иметь его среди своих врагов. Он чуть ли не единственный в городе не испытывает ко мне ненависти, для меня это ценно. Мне же придется быть свидетельницей на его свадьбе.

– На какой свадьбе? – вытаращил глаза Арсений.

– Ты думаешь, Капка зря около него крутится?

– Чтобы Аксенкин женился на Капитолине! – Он рассмеялся. – Да не бывать этому!

– Почему? – искренне огорчилась я.

– У него хватает своих внебрачных детей, чтобы их содержать.

– Во-первых, все Капкины дети брачные, – рассердилась я. – Во-вторых, всех их уже содержат. И неплохо содержат. В-третьих, в нашем городе существует традиция. Ты сам знаешь.

– Только не Аксенкин. Он никогда не женится.

– Почему?

– Потому что он жмот! Для него брак – это выгодное предприятие. А с твоей подружки взять нечего, как с козла молока.

– Ну, тогда они просто сойдутся, – пожала я плечами. – Как мы с тобой.

– Как ты можешь сравнивать? – возмутился Арсений. – У меня, между прочим, чувства!

– Ах да! Мы же еще не выяснили, где именно будем жить! Хотя бы встречаться. Как насчет твоего папы?

– Невозможно. Он все время дома торчит. Потому что не работает.

– А моя мама, напротив, работает. Но и я работаю. И наши графики совпадают. Когда она дома, то и я дома.

– Но куда-то же она ходит? К подружкам, например.

– У нее нет подружек, – покачала головой я. Глупо объяснять, что это у нас наследственное.

– Тогда на дачу уезжает.

– У нас нет дачи. Все, что у нас есть – двушка на пятом этаже панельного дома, в одной комнате сплю я, в другой мама. Я, конечно, могу ее попросить, чтобы не заходила в течение часа. Часа нам хватит? – деловито спросила я.

– Не стоит, – поморщился Арсений. – Не будем впутывать в это твою маму. Нам надо снять квартиру, – нашелся он.

– На какие деньги?

– Давай скинемся, – предложил он. – У тебя же есть сбережения?

В том-то и штука. Сбережения у меня действительно имелись. Следовательно, который наводил обо мне справки, прав на сто процентов. За годы жизни в столице я сумела скопить кое-какие деньжата. И я их не перечисляла ни в какой благотворительный фонд. Что я, дура? Положила деньги в банк под проценты. За несколько лет пахоты на двух, а потом в трех местах мне удалось скопить сумму по меркам нашего города довольно значительную: двадцать тысяч долларов. Я готовилась внести первый взнос за ипотеку. Но не внесла, вы знаете почему. Об этих деньгах мне тогда хотелось забыть, они напоминали мне об опухоли, поэтому я и отнесла их в банк и открыла накопительный счет на два года, ведь проценты по валютным счетам на этот срок были максимальными. И терять его я не собиралась.

Когда Полкаша покупал машину в кредит, он валялся у меня в ногах, просил закрыть счет. Но я не сломалась. Сломалась его машина, и я поняла, что поступила правильно. Ведь потом сломался наш брак. Через месяц после того, как мы разбежались, закончился и срок моего вклада. Поскольку деньги мне опять не понадобились, ведь я вернулась жить к маме, я снова положила их в банк на два года под те же проценты. Поймите меня правильно: тысяча долларов, если сравнивать с моей библиотечарской зарплатой, – сумма весьма значительная. С какой стати я буду отзывать вклад и терять проценты? А кроме этого у меня ничего нет. Даже на картину А. Зимы не хватило бы, задумай я ее купить. Не закрывать же счет из-за какого-то натюрморта, написанного на грошовом картоне? В то, что в раме запрятаны бриллианты, я не верю.

Но и бросаться в объятия к первому встречному я тоже не собираюсь. Все это так неожиданно. Мне сначала надо привыкнуть к мысли, что я, Анфиса Лебедёва, снова выхожу замуж!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.